Ч3 3/67
1899

В. В. Радловъ.

СИБИРСКІЯ ДРЕВНОСТИ.

Изъ путевыхъ записокъ по Сибири.

Переводъ съ нѣмецкаго

Графа А. А. БОБРИНСКАГО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1896.

Госуд. публичная
историческая
библиотека РСФСР
15478.32

Печатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества.

Секретарь *В. Дружининъ.*

БИБЛИОТЕКА
Государ. Историч. Музея
№ 15478
„25" VIII 1932 г.

Отдѣльный оттискъ изъ VII тома Записокъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества.

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Десять лѣтъ тому назадъ, академикъ В. В. Радловъ издалъ на нѣмецкомъ языкѣ, подъ заглавіемъ „Aus Sibirien“, два тома записокъ, веденныхъ имъ во время научнаго путешествія по Сибири въ 1865 и 1866 годахъ. Седьмая глава второго тома этого замѣчательнаго труда посвящена сибирскимъ древностямъ, и я полагаю, что окажу услугу русскимъ археологамъ, представивъ, съ одобренія автора, русскій переводъ этой главы, съ воспроизведеніемъ соотвѣтственныхъ таблицъ нѣмецкаго, не всѣмъ доступнаго, изданія.

Сибирскія древности.

Описаніе могилъ; надгробные камни; каменныя могилы долины Енисея; каменныя могилы на Алтаѣ; каменныя могильныя насыпи; земляные могильные холмы. — Изслѣдованіе каменныхъ могилъ въ долинѣ Енисея и на Алтаѣ. — Изслѣдованіе каменныхъ могильныхъ холмовъ въ Уйменской степи и на Берелѣ. — Изслѣдованіе земляныхъ могильныхъ холмовъ.—Причина разрушенія могилъ.—Древности мѣднаго періода.—Переходъ отъ мѣднаго періода къ желѣзному; древнѣйшій и новѣйшій желѣзные періоды.—Попытки вывести нѣкоторыя заключенія изъ сопоставленія остатковъ древней культуры Сибири съ Сибирью до-исторической.

Лишь только, переправившись черезъ Уралъ, перейдешь въ бассейны Тобола и Иртыша, повсюду встрѣчаются громадные могильные холмы прежнихъ временъ, расположенные группами въ обширной степи, на высокихъ береговыхъ грядахъ рѣкъ. Въ бассейнѣ Оби эти могилы

становятся многочисленнѣе. Въ сѣверной Киргизской степи типъ ихъ мало измѣняется, хотя къ западу отъ верховьевъ Иртыша многіе изъ могильныхъ холмовъ состоятъ уже не изъ земляной насыпи, а изъ нагроможденныхъ полевыхъ камней. Напротивъ, въ рѣчныхъ долинахъ Алтая, по верховьямъ Енисея и въ Абаканской степи встрѣчаются многочисленные могильники, обставленные и украшенные стоячими обломками скалъ. Всѣ эти могильники свидѣтельствуютъ о значительномъ населеніи, обитавшемъ здѣсь въ прежнее время, населеніи, которое, судя какъ по самимъ могиламъ, такъ и по найденнымъ въ нихъ древнимъ предметамъ, успѣло уже отчасти достичь весьма значительной степени развитія.

Но прежде нежели перейти къ описанію этихъ предметовъ древности и попытаться сдѣлать выводъ о степени развитія прежнихъ обитателей Сибири, я обращусь къ описанію наружнаго вида могильныхъ холмовъ и начну съ могилъ у Енисея и на Алтаѣ, такъ какъ эти могилы, благодаря камнямъ, которыми онѣ украшены, представляютъ одинъ общій типъ.

Въ степи, расположенной высоко надъ уровнемъ рѣки Абакана, а также по притокамъ этой рѣки, по верховьямъ Енисея, къ югу отъ Красноярска и до нѣдръ Саянскаго хребта, равно какъ и въ степяхъ по берегамъ обоихъ Іюсовъ, вплоть до самаго Кузнецкаго Алатауа встрѣчаются могильники весьма различныхъ размѣровъ (заключающіе отъ 10 до 200 могилъ каждый). Эти могильники расположены преимущественно на болѣе возвышенныхъ пунктахъ, гдѣ грунтъ каменистый и не подверженъ наводненію. Отдѣльно взятыя могилы очень разнообразны, какъ по величинѣ, такъ и по наружному виду. Онѣ могутъ быть подведены подъ слѣдующіе, ясно различаемые, типы:

1) Могилы квадратныя; сверху большею частью плоскія, прикрытыя лишь совершенно незначительной холмообразной насыпью, вышиною не болѣе одного или двухъ аршинъ. Тамъ, гдѣ существуютъ такія возвышенности, онѣ насыпаны изъ грунтовой земли и мелкихъ камней и обставлены какъ бы оградой изъ ряда вкопанныхъ въ землю перпендикулярныхъ толстыхъ каменныхъ плитъ, высота коихъ нерѣдко достигаетъ $1^1/_2$ саженъ, при ширинѣ отъ 3 до 6 вершковъ. Плиты часто закопаны въ землю вглубь до 1 аршина и укрѣплены въ грунтѣ посредствомъ небольшихъ обломковъ скалъ. Благодаря этому, плиты не могли никоимъ образомъ быть сдвинуты съ вертикальнаго ихъ положенія, развѣ лишь если камни, укрѣпляющіе ихъ, были удалены при

позднѣйшемъ вскрытіи могилы. Такого рода квадратныя могилы встрѣчаются во многихъ мѣстахъ Абаканской степи. Онѣ особенно характерны недалеко отъ устьевъ Аскыса, близъ каменнаго изображенія Куртуякъ-Ташъ. Здѣсь вертикальныя каменныя глыбы достигаютъ исполинскихъ размѣровъ. Доставка ихъ, вѣроятно, была сопряжена съ значительными затрудненіями, такъ какъ никакихъ скалъ по близости не существуетъ. Квадратныя могилы не отличаются большими размѣрами; я не встрѣтилъ ни одной могилы этого рода, сторона квадрата которой превышала бы 4 или 5 саж. Слѣдуетъ еще замѣтить, что вертикальныя глыбы бо́льшею частью представляютъ изъ себя гладкія плиты, образующія стороны квадрата.

2) Довольно высокіе могильные холмы отъ 1 до $1^1/_2$ саж. высоты и отъ 10—25 саж. въ діаметрѣ. Эти надмогильные холмы насыпаны изъ грунтовой земли, на что указываютъ выемки въ землѣ, находящіяся бо́льшею частью по сторонамъ кургана. На такихъ могильныхъ холмахъ поставлены вертикально обломки скалъ, образующіе прямоугольники. Эти каменныя плиты на всѣхъ могилахъ почти одинаковой величины, но высота ихъ не всегда пропорціональна высотѣ надмогильнаго холма. Такъ, нѣкоторые менѣе высокіе холмы обставлены каменными плитами большихъ размѣровъ, тогда какъ на другихъ, очень высокихъ могилахъ поставлены плиты только въ нѣсколько футовъ высоты. На многихъ могилахъ эти каменныя плиты достигаютъ сажени высоты. Способъ укрѣпленія плитъ въ землѣ совершенно такой же, какъ и у квадратныхъ могилъ, но самая постановка ихъ отличается отъ постановки на квадратныхъ могилахъ тѣмъ, что здѣсь всѣ плиты поставлены въ одномъ направленіи, т.-е. съ востока на западъ; поэтому на восточной и западной сторонахъ прямоугольника плиты стоятъ ребромъ. Прямоугольникъ направленъ короткими сторонами къ сѣверу и югу, а длинныя стороны его, которыя почти всегда вдвое болѣе короткихъ, обращены къ востоку и западу. Длинныя стороны заключаютъ бо́льшею частью отъ 12 до 18 каменныхъ плитъ, тогда какъ на короткихъ сторонахъ ихъ расположено, въ большинствѣ случаевъ, отъ 3 до 8. Подобные надмогильные холмы съ высокими каменными глыбами я встрѣтилъ въ четырехъ или пяти мѣстахъ на Абаканѣ и въ Іюсской степи, недалеко отъ Кизильской Управы. Вообще же этого рода могилы попадаются довольно рѣдко.

3) Главную массу могилъ составляютъ могилы, ограниченныя прямоугольниками, составленными изъ 10 камней. Эти прямоугольники, расположены точно такъ же, какъ и только что описанные, т.-е. короткими

сторонами къ сѣверу и югу. Камни, окаймляющіе прямоугольники, на каждой могилѣ почти равной высоты, торчатъ изъ земли иногда на аршинъ, бо́льшей же частью высота ихъ не превышаетъ $^1/_2$ арш. и даже менѣе. Камни эти—преимущественно плиты или очень грубо-обтесанные обломки скалъ. Они расположены по сторонамъ прямоугольника слѣдующимъ образомъ: четыре камня стоятъ по угламъ его, на короткихъ сторонахъ помѣщено только по одному, а на длинныхъ—по два камня. Разстояніе между камнями всюду одинаково, такъ что короткія стороны относятся къ длиннымъ, какъ 2 : 3. Эти надмогильные прямоугольники рѣдко стоятъ одиноко, бо́льшей частью они расположены рядами, числомъ отъ 2 до 4 и соприкасаются между собой короткими сторонами. Во многихъ большихъ могилахъ, окаймленныхъ десятью камнями, къ востоку отъ двухъ среднихъ камней восточной длинной стороны, расположены еще два камня, благодаря чему подлѣ большого могильнаго прямоугольника образуется еще другой маленькій квадратъ. Кромѣ того, встрѣчаются большія вертикальныя, болѣе или менѣе хорошо обтесанныя каменныя глыбы или столбы, находящіеся большею частью въ разстояніи отъ 10 до 50 шаговъ къ западу отъ могилъ. Столбы эти прозваны русскими обитателями маяками. Путешественники считаютъ ихъ указателями пути или могильными камнями. Я, съ своей стороны, считаю ихъ жертвенниками, имѣющими связь съ вышеописанными могилами, такъ какъ эти столбы постоянно расположены къ западу отъ нихъ. При мнѣ изслѣдованы были многіе изъ этихъ маяковъ, но ничего подъ ними не найдено, кромѣ полевыхъ камней, служащихъ для прикрѣпленія ихъ къ грунту; земля всюду крѣпкая, нетронутая и грунтовая. Точно также мною изслѣдованы многіе изъ вышеописанныхъ прямоугольниковъ, обставленныхъ четырьмя камнями и пристроенныхъ къ восточной сторонѣ могилъ, но и въ нихъ я ничего не нашелъ, а потому и эти квадраты причисляю къ жертвенникамъ.

4) Прямоугольныя ровныя могилы, окаймленныя только однимъ рядомъ камней, зарытыхъ въ землю. Эти могилы расположены въ рядъ одна подлѣ другой, такимъ образомъ, что камни одной ограничиваютъ въ то же время и слѣдующую могилу. Размѣры прямоугольниковъ различны, самые большіе имѣютъ 4 саж. длины и отъ $2^1/_2$ до 3 саж. ширины; большинство: $4^1/_2$ арш. длины и отъ 2 до $3^1/_2$ арш. ширины, наконецъ, наименьшіе 1 арш. длины и $^3/_4$ арш. ширины. Длинныя стороны всегда обращены къ сѣверу и югу, короткія — къ востоку и западу. Расположены могилы группами отъ 10 до 25 могилъ, сплетенныхъ между собой. Иногда онѣ расположены по три въ рядъ, сопри-

касался длинными сторонами и образуя прямоугольникъ большихъ размѣровъ. Камни, окаймляющіе всѣ эти могилы, зарыты въ землю и торчатъ надъ поверхностью земли. Это большею частью каменныя плиты, отъ 6 до 10 вершк. высоты, отъ 1 до $1^1/_2$ арш. длины и отъ 2 до 4 вершк. толщины, соприкасающіяся между собой короткими сторонами.

5) Круглыя, плоскія могилы, обставленныя камнями, въ видѣ круга. Въ Абаканской степи эти могилы очень рѣдки; я нашелъ всего три такія могилы по нижнему теченію Абакана, между тѣмъ какъ четыреугольныя могилы мнѣ попадались тысячами. Круглыя могилы у Абакана имѣли отъ 5—6 саж. въ діаметрѣ. Онѣ совершенно плоски, безъ всякой могильной насыпи. Камни, обыкновенныя неотесанныя булыги, зарыты въ землю и едва виднѣются. Всѣ эти могилы носятъ ясные слѣды прежнихъ раскопокъ. Въ самомъ Алтаѣ, т.-е. въ чрезвычайно плодоносныхъ долинахъ лѣвыхъ притоковъ Катуньи и правыхъ притоковъ Иртыша, во многихъ мѣстахъ встрѣчаются значительныя кладбища, состоящія изъ могилъ, которыя украшены камнями, вкопанными въ землю. Всѣ эти могилы совершенно однородны съ могилами на Енисеѣ, т.-е. плоски и круглы; въ видѣ единичныхъ исключеній попадаются и низкіе надмогильные холмы съ каменными кругами. При этомъ нужно замѣтить, что могилы въ нѣдрахъ Алтая, т.-е. по нижнему теченію Катуньи, на Ангодаѣ, Уруссулѣ и на Чуѣ бо́льшею частью занимаютъ очень небольшое пространство. Точно также и на Уйменѣ діаметръ круглыхъ каменныхъ могилъ не превышаетъ 3 или 4 саж. Гораздо значительнѣе круглыя могилы на Бухтармѣ и въ бассейнѣ верховьевъ Иртыша. Я встрѣчалъ ихъ къ западу, почти до города Сергіополя, и по Иртышу, почти до гор. Семипалатинска. Между послѣднями попадались многія насыпи вышиною въ нѣсколько футовъ.

Кромѣ этихъ круглыхъ каменныхъ могилъ, я встрѣтилъ на Ангодаѣ, Уйменѣ и Чуѣ прямоугольники, обставленные камнями. Здѣсь они также расположены были рядами, но, сколько я изъ нихъ ни изслѣдовалъ, ни при одномъ не удалось мнѣ найти могильную яму, что даетъ мнѣ право причислять эти прямоугольники къ числу жертвенниковъ.

Во время моего путешествія въ Кобдо я встрѣтилъ во многихъ мѣстахъ западной части Монгольской степи каменныя могилы, которыя по формѣ своей однако отличаются какъ отъ могилъ на Иртышѣ, такъ и отъ могилъ на Енисеѣ и на Алтаѣ. А именно:

1) Между станціями Боробургазунъ и Бьелю, по ту сторону Кошъ-Дабы, въ долинѣ рѣки Сакъ. Эти могилы состоятъ изъ вкопанныхъ въ землю камней, расположенныхъ въ видѣ большого круга, въ серединѣ котораго нагромождена небольшая груда булыгъ. Наружный кругъ имѣлъ въ діаметрѣ отъ 4 до 6 саж., а внутренній могильный холмъ — отъ 2 до 3 саж. Высота этого послѣдняго равнялась $1—1^1/_2$ арш. Всѣ могильные холмы имѣли правильную форму и нигдѣ не оказывалось слѣдовъ прежняго вскрытія.

2) Въ равнинѣ Окату, а также и Кобдо, мнѣ встрѣтились могилы трехъ родовъ построенія: a) круглыя груды камней, бо́льшею частью нагроможденныхъ изъ обломковъ скалъ большого размѣра, b) четыреугольныя могилы изъ вкопанныхъ въ землю камней, по серединѣ коихъ насыпанъ низкій могильный холмъ изъ болѣе крупныхъ булыгъ, c) узкія прямоугольныя могилы, состоящія изъ 3 или 4 параллельно вкопанныхъ въ землю камней.

3) Къ востоку отъ Мо́стю-Булэкъ двѣ большія каменныя могилы, состоявшія изъ большого круга. Въ составъ этого послѣдняго входили 10—12 меньшихъ каменныхъ круговъ, а каждый изъ маленькихъ заключалъ въ себѣ 6 камней. Въ серединѣ одной изъ могилъ находилось пять холмовъ, наваленныхъ изъ большихъ булыгъ; четыре меньшіе расположены были по угламъ квадрата, а пятый, значительно бо́льшій, находился въ серединѣ его. Другая могила состояла изъ могильнаго холма, окруженнаго каменнымъ кругомъ, а этотъ, въ свою очередь, окруженъ былъ цѣлымъ поясомъ мелкихъ каменныхъ круговъ.

4) На Конго-Шурукѣ могилы такія же, какъ и описанныя мною въ пунктѣ 2-мъ.

5) Къ западу отъ города Кобдо встрѣчаются одновременно какъ круглыя каменныя могилы съ одной только грудой камней, такъ и могилы, состоящія изъ пяти каменныхъ возвышеній, описанныя мною въ пунктѣ 3-мъ. Было еще много могилъ, состоящихъ только изъ 5 камней, изъ которыхъ четыре расположены были по угламъ квадрата, а пятый въ центрѣ его.

Потанинъ встрѣчалъ такого рода могилы, называемыя монголами „керексурами“, по всей западной части Монгольской степи. Судя по рисункамъ Потанина, наружный видъ всѣхъ этихъ могилъ очень схожъ съ тѣми, которыя видѣлъ я. Всѣ онѣ, безъ исключенія, состоятъ изъ бо́льшихъ или меньшихъ, нагроможденныхъ изъ булыгъ, надмогильныхъ холмовъ, и окружены рядами вкопанныхъ въ землю камней.

Помимо упомянутыхъ мною каменныхъ круговъ, Потанинъ указы-

ваетъ еще на другія фигуры, образуемыя вкопанными въ землю камнями, но описаніе ихъ завлекло бы меня слишкомъ далеко.

Кромѣ всѣхъ вышеописанныхъ каменныхъ могилъ, на Алтаѣ, въ Киргизской степи и вообще во всѣхъ степныхъ мѣстностяхъ южной части Западной Сибири, вплоть до Урала встрѣчается множество кладбищъ, заключающихъ каждое могильныя насыпи бо́льшихъ или меньшихъ размѣровъ. Они сооружены бо́льшею частью изъ грунтовой земли, вслѣдствіе чего въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ грунтъ состоитъ изъ чернозема или глины, курганы насыпаны изъ одной земли, наоборотъ, тамъ, гдѣ почва каменистая, напр., вблизи горъ и въ долинахъ рѣкъ, тамъ насыпи изъ земли и камней. Только въ Уйменской степи, на Алтаѣ, а также по всей западной части Киргизской степи и въ среднемъ хребтѣ горъ Абаканской степи, встрѣчаются могильные холмы, насыпанные исключительно изъ полевыхъ камней, и даже въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ грунтъ черноземный и куда, слѣдовательно, приходилось доставлять камни на довольно далекое разстояніе. Въ Киргизской степи, а также въ южной Сибири попадаются отдѣльные могильные холмы, высота которыхъ достигаетъ 20 арш., въ діаметрѣ же они имѣютъ до 50 арш. и даже больше.

Въ Киргизской степи мнѣ попадались отдѣльныя высокія могилы другого устройства. Такъ, напримѣръ, около города Капала находятся три громадные могильника: изъ нихъ одинъ обставленъ двумя каменными кругами, діаметромъ до 100 арш., другой же окруженъ квадратнымъ рвомъ. Около середины западной стороны квадрата ровъ прерывается и тутъ образуется какъ бы дорожка къ кургану, шириною около 4—5 арш.

На Каркарѣ (къ востоку отъ Иссикула) я нашелъ два могильные холма значительной высоты, расположенные по направленію съ востока на западъ. Восточная могила была на $1^1/_2$ саж. ниже западной и отъ нея шли къ сѣверу и югу два полукруглые вала, вышиною до 10 арш.

Какъ на Алтаѣ, такъ и въ западной части Киргизской степи могильные холмы, насыпанные изъ полевыхъ камней, достигаютъ значительной высоты; діаметръ ихъ часто равенъ 15—20 аршинамъ. Въ средней же части горнаго хребта Абаканской степи высота этихъ каменныхъ могильныхъ насыпей очень незначительна, не свыше 1 арш., а въ діаметрѣ только 1—2 саж.

Онѣ образуютъ здѣсь тѣсныя кладбища, содержащія часто до сотни могилъ, характерной чертой которыхъ является то, что онѣ всегда рас-

положены попарно, причемъ каждая пара состоитъ изъ круглой и продолговатой насыпи.

Во время моего путешествія по южной Сибири и Киргизской степи я изслѣдовалъ много могилъ въ разныхъ мѣстахъ, а именно: въ продолженіе 1862 г. въ Кулундской степи, близъ города Семипалатинска, къ сѣверу отъ города Капала, къ востоку отъ Коксуйской станицы, на рѣкѣ Карбарѣ, къ востоку отъ Иссыкула и, наконецъ, въ долинѣ Или, близъ города Вѣрнаго. Въ 1863 г. — на лѣвомъ берегу Абакана, у устьевъ рѣки Еси, на разстояніи около 20 верстъ внизъ по теченію Абакана, у перваго Катшинскаго аула; близъ Абаканской Управы, на рѣкѣ Іюсь, къ сѣверу отъ Кизильской Управы, на рѣкѣ Аскысъ, на рѣкѣ Чердатъ (между Чулымомъ и Кіей). Въ 1865 году — на самомъ Алтаѣ, по рѣкамъ Уруссулѣ и Ангодаѣ, въ Чуйской степи, въ Уйменской степи, въ окрестностяхъ деревни Катанда и въ Берельской степи, на верховьяхъ Бухтармы. Въ 1866 г. — въ Барабинской степи, къ югу и къ сѣверу отъ города Каинска, въ Киргизской степи между озеромъ Чаны и городомъ Павлодаромъ, около озера Сары-Ёзекъ, въ городѣ Семипалатинскѣ и у города Кокбекты.

Раскопки всѣхъ этихъ могилъ ясно доказали, что мы имѣемъ дѣло съ памятниками четырехъ культурныхъ эпохъ:

1) Всѣ могилы въ долинахъ Енисея и на Алтаѣ, а также многіе изъ могильныхъ холмовъ въ Киргизской степи, у Кулунды и въ Барабинской степи принадлежатъ мѣдному или бронзовому періоду.

2) Могильные холмы, насыпанные изъ полевыхъ камней, въ Уйменской степи, на Бухтармѣ и въ восточной Киргизской степи, а также большая часть могильныхъ насыпей южной Сибири должны быть отнесены къ древнѣйшему желѣзному періоду.

3) Малые могильные насыпи въ Абаканской степи, прозванные туземцами „Киргизскими могилами“, принадлежатъ къ болѣе новому желѣзному періоду.

4) Могилы на Чердатѣ моложе по времени; я заключаю это изъ того, что въ нихъ найдена была однажды монета XVII-го столѣтія.

Прежде чѣмъ перейти къ опредѣленію культурнаго состоянія этихъ четырехъ эпохъ я считаю необходимымъ упомянуть о тѣхъ затрудненіяхъ, съ которыми сопряжено изслѣдованіе древностей Сибири. Благодаря этимъ затрудненіямъ правильныя и успѣшныя раскопки могилъ почти невозможны. Причина этого заключается въ томъ обстоятельствѣ, что во многихъ могилахъ въ древности зарыты были богатые золотые клады; это и побуждало обитателей Сибири въ теченіе цѣлыхъ столѣтій испы-

тывать свое счастье по части раскопки могилъ. Благодаря путевымъ замѣткамъ Мессершмита, мы имѣемъ возможность судить о способѣ, которымъ производилось въ прошломъ столѣтіи это исканіе кладовъ.

Вотъ что пишетъ Мессершмитъ, между прочимъ, подъ 25 мая 1721 г.: „Тѣ русскіе, которые поселились вдоль по Оби, живутъ гораздо лучше. Ихъ называютъ ишимцами. Это именно тѣ самые, которые выходятъ на „promiselle“, т.-е. на выкопку золота и серебра, находимаго ими въ языческихъ гробницахъ. Впервые открыли это русскіе, жившіе на рѣкѣ Ишимѣ; продолжая заниматься этимъ промысломъ, они подвигались все дальше, пока, наконецъ, не дошли до Оби. Ибо, всѣ прочіе чужестранцы, откуда бы они ни приходили, изъ Тобольска-ли, Тара-Нарима, Казани или Соликама, разъ только они поселились здѣсь на Оби, въ слободѣ, получали названіе ишимцевъ. Въ этой Чанской слободѣ 150 человѣкъ жителей; они занимаются земледѣліемъ и торговлей мѣхами. Особенно же много они наживаютъ степными раскопками. Съ послѣднимъ снѣжнымъ путемъ они отправляются на 20—30-дневное путешествіе по степи и пустынѣ; изъ всѣхъ окрестныхъ деревень собирается 2—3 сотни человѣкъ, которые раздѣляются на отдѣльные отряды и направляются въ разныя стороны, но не отдаляются при этомъ другъ отъ друга больше, чѣмъ на такое разстояніе, при коемъ они всегда могутъ имѣть между собою сообщеніе, на случай нападенія калмыковъ или казаковъ. Въ такихъ, довольно частыхъ столкновеніяхъ, многіе изъ обитателей слободы лишаются жизни. Лишь только они усматриваютъ гдѣ-нибудь такіе холмы, набросанные надъ языческими могилами, они тотчасъ же принимаются за раскопку ихъ. Нерѣдко они трудятся понапрасну и находятъ только всякаго рода мѣдь и латунь или желѣзныя вещи; это, конечно, плохо вознаграждаетъ ихъ за труды; иногда же они находятъ много золота и серебра, порою даже до 5, 6 и 7 фунтовъ, то меньше, то больше. Золото это заключается въ убранствѣ лошадиной сбруи, принадлежностяхъ упряжи, идолахъ и другихъ предметахъ“.

Насколько основательно велись эти роскопки, доказываетъ слѣдующая замѣтка въ томъ же дневникѣ, за 28 ноября 1725 г. „Лейтенантъ Рудольфи сообщаетъ мнѣ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ вокругъ Оби существовало много языческихъ гробницъ, изобиловавшихъ золотомъ и серебромъ; въ настоящее время эти могилы до того изрыты русскими, что нужно имѣть большое счастье, чтобъ найти въ нихъ нѣкоторые, хотя бы незначительные, предметы“.

Миллеръ, посѣтившій Сибирь въ 1735 г., разсказываетъ о вскры-

тіи могилъ слѣдующее: „Могилы на Иртышѣ, Тоболѣ, Оби и Енисеѣ стали впервые подвергаться раскопкамъ русскихъ крестьянъ въ началѣ нашего столѣтія, послѣ того, какъ отсюда удалились калмыки и киргизы. Я засталъ въ Сибири еще многихъ лицъ, которыя въ прежнее время кормились такой работой, хотя въ мое время никто этимъ уже не занимался, потому что всѣ могилы, въ которыхъ надѣялись найти клады, были уже раскопаны. Подобно тому, какъ отправляются партіями на соколиную охоту, такъ и они собирались здѣсь большими группами, съ цѣлью, раздѣливъ между собой работу, скорѣе покончить съ нѣсколькими могилами заразъ. До моего пребыванія въ Сибири еще никто не рѣшался отправиться на раскопки въ западную сторону отъ Иртыша, потому что эту мѣстность почти постоянно объѣзжаютъ казаки. Очень можетъ быть, что впослѣдствіи здѣсь найдется еще много драгоцѣнностей“ [1]).

[1]) Въ путевыхъ запискахъ Джона Белла, англичанина, принимавшаго участіе въ посольствѣ Л. В. Измайлова, посланнаго Петромъ Великимъ въ Пекинъ въ 1719 году, говорится: «...На разстояніи восьми или десяти дней пути отъ Томска находится въ степи большое количество могилъ и кладбищъ древнихъ героевъ, которые, по всѣмъ вѣроятіямъ пали въ бою. Эти могилы легко распознаются, благодаря насыпаннымъ надъ ними земляным холмамъ и камнямъ. Когда именно и между кѣмъ происходили эти сраженія въ столь сѣверной странѣ—неизвѣстно. Барабинскіе татары передавали мнѣ, что Тамерланъ или, какъ они его называютъ, Тимыръ-Анъ-Сакъ, имѣлъ частыя стычки съ калмыками въ этой странѣ, которую онъ тщетно пытался завоевать. Много лицъ отправляются каждое лѣто изъ Томска и другихъ мѣстъ къ этимъ могиламъ, которыя они раскапываютъ и гдѣ находятъ, промежъ пепла мертвыхъ порядочное количество золота, серебра, мѣди, а иногда и драгоцѣнные камни, но преимущественно рукоятки саблей и предметы вооруженія. Они находятъ также украшенія сѣдлъ и уздечекъ и прочія части лошадинаго убранства и даже кости лошадей, а иногда и кости слоновъ. Изъ сего, казалось бы, что когда хоронился какой-либо полководецъ или знатная особа, то вмѣстѣ съ нимъ хоронились въ той же могилѣ все его оружіе, его любимый конь и служители. Этотъ обычай сохранился у калмыковъ и другихъ татаръ и до сего дня и, повидимому, онъ очень древній. Судя по большому количеству могилъ, казалось бы, что многія тысячи убиты въ этихъ степяхъ, ибо населеніе продолжало выкапывать подобныя сокровища въ теченіе многихъ лѣтъ и все же еще находятъ ихъ неисчерпаемыми. Правду сказать, работа ихъ иногда прерывается партіями калмыковъ, которые отбиваютъ у нихъ добычу, такъ какъ ненавидятъ, чтобы прикасались до останковъ мертвыхъ.

Я видѣлъ нѣсколько штукъ вооруженія и другихъ примѣчательностей, выкопанныхъ изъ этихъ могилъ, въ особенности вооруженнаго мужчину верхомъ, вылитаго изъ мѣди, прекрасныхъ очертаній и выдѣлки; также изображенія оленей, вылитыхъ изъ чистаго золота, которые были разсѣчены посерединѣ и пробуравлены нѣсколькими маленькими отверстіями, соотвѣтственно назначенію ихъ служить украшеніями колчана или лошадиной упряжи.

Въ бытность мою въ Томскѣ, одинъ изъ такихъ копателей могилъ разсказывалъ мнѣ; что однажды они наткнулись на остроконечный сводъ, гдѣ они нашли останки человѣка при его лукѣ, стрѣлахъ, копьѣ и другомъ оружіи, лежащихъ вмѣстѣ на серебряномъ столѣ. При соприкосновеніи къ трупу—онъ распался въ пыль. Цѣнность стола и оружія была весьма значительна». (*John Bell.* Travels from St.-Petersburg in Russia to diverse parts of Asia. London. 1764). *Переводчикъ.*

Къ сожалѣнію, пожеланіе Миллера не осуществилось. Произведенныя мною раскопки могилъ въ Киргизской степи ясно доказали мнѣ, что могилы въ этой мѣстности точно также основательно изрыты, какъ и на Оби, Алтаѣ и Енисеѣ. Такъ какъ этотъ же фактъ замѣчается и къ югу отъ Капала, у Вѣрнаго и на Иссыкулѣ, то можно заключить, что не только русскіе, но и прежніе обитатели Киргизской степи занимались такимъ откапываньемъ сокровищъ. Посему, изслѣдователь старины долженъ считать за счастье, если между сотнями могилъ онъ встрѣчаетъ одну или двѣ, наружный видъ которыхъ не носитъ слѣдовъ прежняго вскрытія, и если ему удается между десяткомъ такихъ могилъ найти хоть одну, уцѣлѣвшую отъ разграбленія.

Бронзовый и мѣдный періодъ.

Въ Абаканской и Іюсской степяхъ мною вскрыто было болѣе 30 каменныхъ могилъ, причемъ найдена только одна нетронутая могильная яма; точно также и на Алтаѣ я встрѣтилъ только двѣ непотревоженныя каменныя могилы этого періода, очень незначительной величины. Несмотря на это, мнѣ удалось путемъ изслѣдованія уже вскрытыхъ могилъ получить довольно ясное представленіе о способѣ устройства всѣхъ каменныхъ могилъ описываемаго періода.

Могильныя ямы всѣхъ этихъ могилъ углублены въ землю аршина на $1^1/_2$ и до 3-хъ и расположены бо́льшею частью посреди надмогильнаго холма или прямоугольника. На Алтаѣ глубина могильныхъ ямъ часто не превышаетъ $1^1/_2$ арш., такъ какъ, благодаря каменистому грунту, болѣе глубокое выкапываніе могилъ здѣсь затруднительно. Въ могилахъ, окаймленныхъ прямоугольниками изъ десяти камней, средніе камни, повидимому, служили границами собственно могильной ямы, такъ что края ея приходятся на линіи, соединяющей четыре средніе камня. Ширина могильной ямы равна, приблизительно, одной трети длинной стороны большого могильнаго прямоугольника, вслѣдствіе чего она измѣряется въ своемъ протяженіи, сообразно величинѣ наружнаго прямоугольника. Длина могильной ямы, наоборотъ, всегда равна $2^1/_2$—3 арш. и совершенно независима отъ величины могилы. Длинная сторона здѣсь повсюду параллельна короткимъ сторонамъ наружнаго прямоугольника, т.-е. она направлена съ востока на западъ.

Дно могильной ямы либо просто утрамбовано, либо же выложено тонкими каменными плитами. На дно ямы положены покойники, головою къ востоку. У остова, найденнаго мною на Іюсѣ, голова была наклонена на бокъ, руки вытянуты вдоль туловища, а большіе пальцы

подняты кверху. Вершка на четыре надъ головой, по направленію къ сѣверу, находится глиняный сосудъ конической формы. Остовы, лежащіе, такимъ образомъ, на днѣ могилы, прикрывались либо толстымъ слоемъ дерева, либо нѣсколькими большими каменными плитами, толщиною часто въ 2—4 верш. Затѣмъ, могильную яму наполняли различной величины полевыми камнями и сверху засыпали ее обломками скалъ или землей.

Относительно устройства могильныхъ ямъ, въ большихъ квадратныхъ могилахъ на Абаканѣ, я не могу дать никакихъ указаній, такъ какъ не вскрывалъ ни одной изъ такихъ могилъ. Только въ одной единственной прямоугольной могилѣ на Іюсѣ я встрѣтилъ, кромѣ большой могильной ямы посреди прямоугольника, еще вторую, меньшую, въ южной части его.

Обѣ ямы были прикрыты большими скалистыми плитами. Въ двухъ другихъ могилахъ мною найденъ былъ, въ головахъ, къ востоку отъ могильной ямы, маленькій гробъ, составленный изъ каменныхъ плитъ, приблизительно въ 1 арш. длиною. Внутри лежали разбитыя дѣтскія кости. Эти каменные гробы только на $^1/_2$ арш. углублены были въ землю.

Тѣ прямоугольники, которые обставлены рядами камней, не обнаруживаютъ такого правильнаго расположенія могильныхъ ямъ; здѣсь большею частью посрединѣ находится одна могильная яма, весьма различныхъ размѣровъ, въ которой похоронено отъ 1 до 3-хъ человѣкъ.

Покойники прикрыты здѣсь маленькими каменными плитами, а нерѣдко и слоями дерева. Въ одной изъ такихъ могилъ я нашелъ гробъ, правильно построенный изъ каменныхъ плитъ. Глубина этихъ могильныхъ ямъ не превышаетъ $1^1/_2$ арш.

Въ большихъ могильныхъ ямахъ подъ могильными прямоугольниками часто находились остатки отъ 3 до 5 труповъ. Но наибольшее количество скелетовъ нашелъ я въ большой могильной ямѣ на Іюсѣ; тутъ было 22 черепа, изъ коихъ много дѣтскихъ. Судя по найденнымъ здѣсь же мѣднымъ предметамъ — тутъ похоронены были только женщины.

Каменныя могилы на Алтаѣ построены совершенно такъ же, какъ и на Енисеѣ. Близъ города Сергіополя мнѣ удалось изслѣдовать нѣсколько могилъ этого періода и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ могильная яма состояла изъ ящика, сложеннаго изъ каменныхъ плитъ и глубиною въ 1 арш. Дно его составляла твердо утрамбованная земля; надъ каменными плитами, покрывавшими ящикъ, навалены были большіе обломки скалъ и сверху насыпанъ невысокій могильный холмъ.

Въ городѣ Семипалатинскѣ я вскрылъ пять могилъ бронзоваго періода; въ могильной ямѣ одной изъ нихъ, глубиною въ $1^1/_2$ арш., нашелся человѣческій остовъ, положенный, очевидно, на лѣвый бокъ; ноги его были немного согнуты. Точно опредѣлить положеніе остова было невозможно, такъ какъ кости почти совсѣмъ истлѣли. Подлѣ скелета лежалъ мѣдный ножъ.

Мѣдные ножи я нашелъ и въ отдѣльныхъ могильныхъ холмахъ въ Барабинской и Калундской степяхъ, но такъ какъ эти могилы подверглись вскрытію уже въ прежнее время, то я ничего не могъ заключить относительно ихъ устройства. По наружному своему виду эти курганы ничѣмъ не отличались отъ тѣхъ, которые я вскрывалъ до сихъ поръ, и которые, судя по найденнымъ мною въ нихъ предметамъ, принадлежатъ желѣзному періоду. Изъ этого мы въ правѣ заключить, что населеніе сѣверныхъ степей въ періодъ желѣзный сооружало только земляные могильные холмы, такъ какъ для постройки могилъ у нихъ не находилось нужнаго матеріала—камней и обломковъ скалъ.

Я не рѣшаюсь положительно утверждать, что каменныя могилы западной Монголіи принадлежатъ желѣзному періоду, такъ какъ объ изслѣдованіи могилъ въ этой мѣстности еще до сихъ поръ ничего неизвѣстно.

Во всѣхъ описанныхъ здѣсь мною каменныхъ могилахъ, найдены ясные слѣды предметовъ, вылитыхъ изъ бронзы или мѣди. Это обстоятельство даетъ намъ право полагать, что тѣ народы, которые оставили послѣ себя эти надмогильные памятники, вѣроятно, еще не знали выдѣлки и употребленія желѣза.

Найденныя въ этихъ могилахъ мѣдныя и бронзовыя вещи и многочисленныя находки, такой же утвари, сдѣланныя обитателями окрестныхъ мѣстностей на своихъ пашняхъ позволяютъ намъ составить довольно полную картину степени образованія и культурнаго развитія народовъ мѣднаго періода.

Выдѣланные изъ мѣди и бронзы предметы этой древнѣйшей культурной эпохи южной Сибири представляютъ изъ себя всевозможнаго рода орудія и принадлежности ежедневной жизни, а именно: оружіе: кинжалы, стрѣлы, наконечники копій; орудія: ножи, серпы, рѣзцы, топоры, иглы, шилы, буравы; лошадиная сбруя: пряжки, стремена, уздечки; предметы роскоши: серьги, пряжки, пуговицы, браслеты, зеркала, различныя украшенія въ видѣ изображеній животныхъ; посуда: котлы и чарки.

Кромѣ мѣди, народы мѣднаго періода, несомнѣнно, были знакомы

и съ золотомъ; изъ него богатые люди изготовляли себѣ украшенія. Мнѣ лично удалось найти только въ одной могилѣ бронзоваго періода дѣтскую серьгу изъ крѣпкой золотой проволоки. Однако, въ Императорскомъ Эрмитажѣ находится много такихъ украшеній изъ массивнаго золота, которыя по формѣ совершенно схожи съ мѣдными предметами, найденными мною въ Абаканской степи. Кромѣ того, и Витценъ даетъ намъ указанія о существованіи золотыхъ вещей въ ту эпоху.

Судя по тому, что богатствомъ золотыхъ и мѣдныхъ рудъ отличаются только Алтай и Саянскій хребетъ, мы можемъ a priori заключить, что древніе обитатели этихъ мѣстностей сами выдѣлывали вышеназванные предметы изъ мѣди и золота, и къ тому же сами добывали себѣ эти металлы. Такое заключеніе подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что въ Алтайскомъ районѣ встрѣчается безчисленное множество такъ-называемыхъ Чудскихъ копей; это, остатки шахтъ, въ которыхъ древніе обитатели добывали себѣ мѣдь. Находимые здѣсь всюду каменные молоты и каменные ломы самымъ наглядымъ образомъ, мнѣ кажется, доказываютъ, что древніе горнопромышленники еще не были знакомы съ добываніемъ и обработываніемъ желѣза.

При эксплоатаціи копей, эти рудокопы слѣдовали по направленію жилъ руды, идущихъ изъ глубины земли вплоть до верхняго ея слоя. Всѣ шахты книзу уже, чѣмъ наверху, такъ какъ недостатокъ въ орудіяхъ заставлялъ горнопромышленниковъ работать большею частью на поверхности земли. Глубина шахтъ нигдѣ не превышетъ 7 саж.

Эти древніе горнопромышленники очевидно уже умѣли подпирать свои шахты; во многихъ изъ нихъ встрѣчались, у потолка камеры, деревянныя подпоры; впрочемъ, въ этомъ искусствѣ они, повидимому, не были очень опытны: шахты нерѣдко проваливались и засыпали рудокоповъ. Доказательствомъ этому служатъ частыя находки въ провалившихся копяхъ — скелетовъ съ еще уцѣлѣвшими при нихъ кожаными мѣшками, наполненными рудою.

Многочисленность этихъ Чудскихъ копій указываетъ на такое общее распространеніе разработки рудъ и на такое обильное добываніе мѣди, что мы вправѣ заключить, что народъ этотъ добывалъ мѣдь не только для своего употребленія, но добытымъ металломъ производилъ еще обширную торговлю. Ремесло рудокопа, должно быть, было здѣсь въ большомъ почетѣ. Это доказываетъ намъ, съ одной стороны, мѣдная статуетка, изображающая такого рудопромышленника и находящаяся въ Императорскомъ Эрмитажѣ, а съ другой стороны — тотъ фактъ, что

повсюду, гдѣ обиталъ этотъ народъ, встрѣчается безчисленное множество острыхъ топориковъ, столь маленькихъ и такъ тонко отдѣланныхъ, что, повидимому, они служили лишь украшеніемъ палокъ. Притомъ, нѣкоторые изъ нихъ свидѣтельствуютъ о такой тщательной и изящной работѣ, что, вѣроятно, не могли принадлежать простымъ рудокопамъ. Что этотъ народъ добывалъ себѣ золото, видно изъ того, что во многихъ золотыхъ россыпяхъ въ Киргизской степи и на Кузнецкомъ Алатауѣ, часто находятъ въ золотоносномъ пескѣ на нѣсколько саженей вглубь отъ верхняго слоя земной поверхности—мѣдныя орудія и оружіе. Я самъ присутствовалъ при нахожденіи мѣднаго оружія на пріискѣ близъ Кокбекти, а на Кіѣ мнѣ продали два большіе мѣдные кельта, которые, какъ говорили, найдены были въ золотоносномъ пескѣ и, вѣроятно, служили для отбиванія щебня.

Для плавки мѣдной руды устроены были особенныя плавильныя печи, слѣды которыхъ еще и теперь встрѣчаются на Алтаѣ, въ Саянскомъ хребтѣ и въ восточной части Киргизской степи, напр. при впаденіи рѣки Шульбы въ Иртышъ, и въ Каркаралинскомъ округѣ.

Добытый такимъ образомъ чистый металлъ изъ плавильныхъ печей въ необработанномъ видѣ разносился во всѣ части страны и тамъ подвергался обработкѣ искусныхъ мастеровъ. Такъ, напр., я находилъ почти всюду на Абаканѣ, Енисеѣ, на Оби и по ея истокамъ, на Иртышѣ и даже въ Барабинской степи—маленькіе кусочки мѣди, заканчивающіеся обломаннымъ остріемъ; въ нихъ ясно можно было узнать остатки металла, образующіеся при отверстіяхъ плавильныхъ формъ.

Изъ одного лишь бѣглаго упоминанія собранныхъ мною древностей, видно, что какъ на Алтаѣ, такъ и въ Енисейской степи встрѣчается бронза весьма различныхъ сплавовъ. Съ цѣлью узнать, случайна-ли эта разница въ составѣ, или она зависитъ отъ степени познаній въ дѣлѣ отливки металла, я попросилъ г. Генриха Струве анализировать нѣкоторые изъ найденныхъ мною бронзъ. Результатъ этого изслѣдованія г. Струве помѣстилъ въ бюллетенѣ Петербургской Академіи Наукъ (1866, томъ IX).

Химическій анализъ четырехъ бронзовыхъ ножей, принадлежащихъ къ древностямъ Абаканской долины—далъ слѣдующій результатъ.

	1	2	3	4
Мѣдь.	90,20	88,67	93,00	90,00
Олово	9,64	10,10	6,35	0,32
Желѣзо.	0,05	0,28	0,18	0,34
Итого . . .	99,89	99,53	99,66	99,43

Эта таблица, по мнѣнію Струве, доказываетъ, что ножъ № 4 слѣдуетъ считать выдѣланнымъ изъ чистой мѣди, а небольшое количество остальныхъ примѣсей надо приписать случайности. №№ же 1, 2 и 3 состоятъ изъ чистой бронзы съ очень маленькой примѣсью желѣза. Струве сравниваетъ съ результатомъ своего анализа, — анализы Алтайскихъ бронзъ Гёбеля, произведенные послѣднимъ надъ обломками бронзовыхъ сосудовъ и фигуръ. Получилось:

	Мѣдь.	Олово.	Свинецъ.
1)	80,27	19,66	—
2)	73,0	26,74	—
3)	87,97	9,38	2,5
4)	91,50	6,75	1,75

На основаніи анализа, произведеннаго Фелленбергомъ надъ 180-ю древними бронзами, г. Струве заключаетъ, что въ составъ бронзъ древнѣйшаго мѣднаго періода, назначавшихся для оружія, ножей и тому подобныхъ предметовъ, находимыхъ у свайныхъ построекъ и, которые должны были отличаться крѣпостью—входило 10% олова, а остальное составляла мѣдь. Если же предметъ долженъ былъ служить предметомъ украшенія, то прибавлялся свинецъ, или еще чаще — олово; благодаря этому, сплавъ легче плавился и поддавался обработкѣ. Съ этими выводами, основанными г. Струве на отдѣльныхъ анализахъ Фелленберга, совпадаютъ и изслѣдованія бронзъ, найденныхъ въ Кельтійскихъ надмогильныхъ холмахъ въ Мекленбургѣ Фр. Гебелемъ. Вышеупомянутое, въ высшей степени интересное изслѣдованіе Струве ясно доказываетъ, что народы древнѣйшаго мѣднаго періода, населявшіе Алтай и Саянскій хребетъ, обладали въ дѣлѣ сплава металловъ опытностью и познаніями. Насколько значительны были эти познанія, доказываетъ замѣчательная прочность нѣкоторыхъ изящно выдѣланныхъ бронзовыхъ ножей и кинжаловъ, при изготовленіи которыхъ плавщики, конечно, прилагали болѣе вниманія и старанія, такъ какъ за эти издѣлія полагалась и бо́льшая плата.

Отливка нѣкоторыхъ лучшихъ издѣлій замѣчательно хороша. Тщательная и тонкая обработка отдѣльныхъ украшеній объясняется тѣмъ, что наилучшіе предметы послѣ плавки подвергались шлифовкѣ и полировкѣ. Въ общемъ, плавка очень чистая и глядкая, и свидѣтельствуетъ о необыкновенной ловкости плавщика. Такъ, между сотнями металлическихъ издѣлій, попадавшихся мнѣ на глаза, только 2 предмета обнаруживали недостатки въ плавкѣ: а именно, оставшіеся послѣ нея отверстія, пришлось загладить, заливъ ихъ растопленной

красной мѣдью. Одинъ изъ этихъ предметовъ былъ котелъ, вѣсомъ въ 70 ф. Въ болѣе грубой выдѣлкѣ нѣкоторыхъ предметовъ, на мой взглядъ, еще вовсе нѣтъ непремѣннаго указанія на болѣе древнюю эпоху ихъ изготовленія. Такъ, напр., я нашелъ въ одной и той же могилѣ два ножа, изъ которыхъ одинъ сдѣланъ очень грубо, а другой, наоборотъ, замѣчательно тонко отдѣланъ.

Большинство металлическихъ издѣлій отличается богатой орнаментикой, наведенной съ большимъ вкусомъ. Эта орнаментика состоитъ: 1) изъ прямыхъ линій, т.-е. линій параллельныхъ и линій пересѣкающихся подъ разными углами; изъ зубьевъ, фестоновъ, соединенныхъ точками (или составленныхъ изъ точекъ), 2) изъ круговыхъ линій, полукруговъ, квадратовъ и концентричныхъ круговъ, 3) изъ кривыхъ линій. Послѣднія имѣютъ всегда форму животныхъ, какъ-то: свитыхъ змѣй, вогнутыхъ птичьихъ клювовъ, птичьихъ головъ и шей, и другихъ звѣриныхъ головъ. Очень часто украшенія представляютъ собой изображенія цѣлыхъ животныхъ или части ихъ. Отличительной чертой орнаментики этого періода является стремленіе, какъ можно точнѣе изобразить природныя очертанія звѣрей, такъ чтобы съ перваго взгляда можно было узнать животное. Всякія ненатуральныя искривленія, всякіе фантастическіе изгибы, или изображенія миѳическихъ чудовищъ—чужды орнаментикѣ того времени.

Если теперь разсмотримъ различныя металлическія издѣлія бронзоваго періода въ отдѣльности, то мы найдемъ особенно богатый выборъ среди различныхъ острыхъ орудій и издѣлій для рѣзанія, а изъ нихъ больше всего двуострыхъ кинжаловъ и мечей.

У всѣхъ этихъ предметовъ рукоятка и лезвіе сдѣланы изъ одного куска. Рукоятки ножей и кинжаловъ очень коротки; это приводитъ къ заключенію, что орудія эти предназначались для очень маленькихъ рукъ. Ножи самой простой работы состоятъ изъ полосы мѣди или бронзы, отъ 3 до 5 верш. длины и отъ $1^1/_4$ до $1^1/_2$ в. ширины. Полосы эти съ одной стороны толще, чѣмъ съ другой; одинъ конецъ заостренъ, а на другомъ сдѣлано отверстіе или ушко. Острый конецъ съ одной стороны отшлифованъ на $1^1/_2$—2 в., а другая, нешлифованная сторона, служила рукоятью ножа. Усовершенствованіе и украшеніе этихъ ножей производилось такимъ образомъ: остріе на спинкѣ ножа закруглено; часть, предназначенная для рукояти, сдѣлана уже и круглѣе, отверстіе или ушко замѣнено круглымъ кольцомъ, около $^1/_2$ в. въ діаметрѣ. Рукоятка правильно закруглена, приспособлена для удобнаго захвата рукою, и снабжена выпуклыми или плоскими ажурными узорами.

Верхняя часть рукоятки украшена изображеніями змѣиныхъ головъ, птичьихъ клювовъ и даже цѣлыхъ животныхъ.

Между сотнями такихъ бронзовыхъ ножей, попадавшихся мнѣ на глаза, я отмѣтилъ всего лишь одинъ, на концѣ рукояти котораго не было ни отверстія, ни ушка, изъ чего мы вправѣ заключить, что эти ножи носились на поясѣ, къ которому привѣшивались посредствомъ ремней или шнурковъ. Кинжалы, весьма различные по величинѣ, имѣютъ отъ 3—6 верш. длины. На концѣ ихъ рукоятокъ только изрѣдка встрѣчаются кольца, изъ чего мы выводимъ, что и эти кинжалы носились у пояса. Въ общемъ они выдѣланы тоньше и чище, нежели ножи. Сверху—рукоятки оканчиваются кнопкой, а между рукоятью и лезвіемъ, съ двухъ сторонъ выдаются острія, благодаря которымъ рука могла устоять на мѣстѣ, при нанесеніи удара. Рукоять либо совершенно гладкая, либо снабжена продолговатыми полосами. Лезвіе съ обѣихъ сторонъ постепенно сливается въ остріе, и снабжено обыкновенно бороздами для стока крови. Украшенія находятся либо у кнопки, или же между рукоятью и лезвіемъ. У одного, очень изящно выработаннаго кинжала, мною самимъ найденнаго, на концѣ рукоятки были двѣ загнутыя назадъ змѣиныя головы, а между рукоятью и лезвіемъ—два чрезвычайно тонко выдѣланныхъ животныхъ. Нѣкоторые ножи совершенно своеобразной формы, рукоять и лезвіе образуютъ тупой уголъ; эти ножи, вѣроятно, служили орудіемъ для рѣзьбы по дереву. Для просверленія дерева употреблялись рѣзцы.

Въ то время, какъ ножи и кинжалы попадаются во всѣхъ могилахъ, мѣдные наконечники стрѣлъ въ общемъ гораздо рѣже, а наконечники копій совсѣмъ рѣдки. Наконечники стрѣлъ большею частью снабжены отверстіями, при помощи которыхъ они насаживались на древко.

Чаще встрѣчаются костяные наконечники. Мнѣ попадались наконечники копій двухъ родовъ: сердцевидный, вершковъ въ 8 длиною, и другой — той же длины, но въ видѣ ланцета. Первый былъ алтайскаго происхожденія, второй изъ Киргизской степи. Кромѣ мѣдныхъ наконечниковъ копій употреблялись и костяные. Я лично нашелъ такой экземпляръ въ могилѣ мѣднаго періода на Абаканѣ.

Почти въ такомъ же изобиліи, какъ орудія для рѣзанія, находимъ мы мѣдные и бронзовые кельты, весьма различные по сплаву и величинѣ; они частью выдѣланы совсѣмъ грубо, частью же такъ тонко, что нельзя не предположить, что такіе кельты служили лишь предметами украшенія. Нѣкоторые изъ кельтовъ, вѣроятно, употреблялись какъ

топоры, другіе какъ оружіе, наконецъ третьи—какъ заостренные молотки для отбиванія руды въ золотопромывальняхъ. Кельты эти, безъ сомнѣнія прикрѣплены были къ короткому концу колѣнообразнаго древка. Что касается формы кельтовъ, то длина ихъ обыкновенно въ $1^1/_2$ раза больше ширины; иногда ширина у лезвія равна ширинѣ верхняго конца, иногда же у лезвія она меньше, изрѣдка лишь встрѣчаются такіе кельты, которые у лезвія расширяются. По обѣимъ сторонамъ верхняго конца этихъ орудій придѣланы два ушка, а иногда и одно, помѣщенное на серединѣ широкой стороны, изъ чего можно заключить, что кельты привязывались къ рукояткѣ. Только на нѣкоторыхъ, очень небольшихъ кельтахъ оказывались отверстія въ широкой сторонѣ, по которымъ можно видѣть, что къ древку они прикрѣплялись гвоздями или штифтами. Отверстія для вставки рукоятки большею частью продолговатыя; круглыя попадались лишь очень рѣдко.

Кельты Алтая и Киргизской степи по формѣ своей отличаются отъ кельтовъ долины Енисея. Эти послѣдніе большею частью лопатообразны. Въ Императорскомъ Эрмитажѣ есть очень большая мѣдная сѣчка, по формѣ схожая съ нашимъ топоромъ и, вѣроятно, служившая оружіемъ, что можно заключить какъ по вѣсу ея, такъ и по чрезвычайно тщательной отдѣлкѣ.

Изъ острыхъ орудій мнѣ удалось собрать довольно большую коллекцію шильевъ; изъ нихъ многія такъ тонки и малы, что надо предположить, что они замѣняли иглы при сшиваніи кожи и тканей. Большая часть этихъ шилъ четырехугольна и снабжена сверху маленькой кнопкой. Иглы съ ушками мнѣ не попадались ни разу. Одно, чрезвычайно твердое четырехгранное бронзовое шило снабжено было солиднымъ большимъ кольцомъ, поперегъ котораго, по всей вѣроятности, вставлялось круглое древко. Это шило отличалось остротой и могло служить буравомъ. Другое, круглое очень тщательно выдѣланное шило, нарисованное на таблицахъ Палласа, можетъ быть, представляло изъ себя большую иглу, служившую предметомъ украшенія для зашпиливанія одежды.

Буравовъ съ винтообразной насѣчкой изъ мѣди я не находилъ; во всякомъ случаѣ, бронза для такой цѣли была бы слишкомъ мягкимъ веществомъ.

Очень часто и почти во всѣхъ мѣстностяхъ попадались острые молоты, весьма различной величины и прочности. Самые простые изъ нихъ состоятъ изъ круглаго обуха, верш. въ 2—4 длиною, заостреннаго съ одного конца и округленнаго съ другого. Верш. на $1^1/_2$ отъ

задняго конца въ обухѣ находится круглое отверстіе, въ которое могло вставляться древко, толщиною въ палецъ.

Въ молоткахъ большихъ размѣровъ эти отверстія замѣнены длиннымъ цилиндромъ въ $^1/_2$—$1^1/_2$ в. длиною, въ который вставлялось древко. У нѣкоторыхъ изъ этихъ молотковъ остріе четырехъ или шестигранное и, кромѣ того, тщательно заострено, а на оборотной сторонѣ находятся украшенія, въ видѣ изображеній животныхъ, большею частью одного или двухъ такъ-называемыхъ каменныхъ барановъ. Нѣкоторые молотки такой крѣпкой работы, что вполнѣ могли служить рабочимъ орудіемъ или оружіемъ; другіе же такъ тонки, что употреблялись, вѣроятно, только какъ украшеніе или предметъ роскоши. При помощи маленькихъ топоровъ, производились, можетъ быть, рисунки и помѣтки на скалахъ.

Лошадиная упряжь встрѣчается рѣдко. Мнѣ удалось найти только части двухъ удилъ; кромѣ того, на Абаканѣ найденъ кусокъ красной мѣди, который считаю за часть стремени. Въ Императорскомъ Эрмитажѣ находятся еще двое мѣдныхъ удилъ, найденныхъ на Алтаѣ.

Изъ орудій мною найдены на Абаканѣ еще 2 мѣдныхъ серпа, которые, очевидно, насаживались на древко и прикрѣплялись къ нему ремнемъ. На поляхъ Алтая и Киргизской степи, на Енисеѣ и у Абакана часто находили мѣдные котлы всегда одной и той же формы. Украшенія, выведенныя на нѣкоторыхъ изъ нихъ, ясно показываютъ, что котлы эти относятся къ бронзовому періоду. Они состоятъ большею частью изъ собственно сосуда, въ видѣ пустого полу-ядра или кубка и ножки, въ формѣ усѣченнаго пустого конуса, прикрѣпленнаго къ котлу по срединѣ дна. Котелъ и подножка постоянно вылиты изъ одного куска. Вдоль бортовъ котлы всегда снабжены двумя вертикальными ушками, болѣе или менѣе изукрашенными. Верхній бортъ сосудовъ либо ровный, либо выгнутый, или же снабженъ украшенной каймой. У нѣкоторыхъ котловъ, пониже борта, находились шнурообразныя украшенія.

Самый большой котелъ я нашелъ въ Шуйской волости, къ югу отъ Минусинска; онъ вѣсилъ 75 фунтовъ. Форма котла показываетъ, что народы бронзоваго періода не были знакомы съ употребленіемъ треножника, но вставляли въ огонь самые котлы. Такого рода котелъ, найденный въ скиѳской могилѣ, выставленъ въ Императорскомъ Эрмитажѣ.

Металлическіе предметы украшенія, относящіеся къ бронзовому періоду, очень разнообразны. Это, во-первыхъ, украшенія, носившіяся на

тѣлѣ: серьги золотыя и мѣдныя съ сердоликовыми и металлическими бусинами; иглы и фибулы съ изящными кнопками, въ формѣ звѣриныхъ головъ, четвероногихъ животныхъ или птицъ; поясныя пряжки съ золотыми и мѣднымн украшеніями; украшенія для поясовъ и ремней, представляющія изъ себя рельефное изображеніе животныхъ: козловъ, оленей, козъ. Ко внутренней части ихъ придѣланы ушки, при помощи которыхъ украшенія прикрѣплялись къ ремнямъ; наконецъ, золотыя и мѣдныя пуговицы, причемъ послѣднимъ, бо́льшею частью, придана форма по́лыхъ сегментовъ круга.

Весьма обыкновенный и распространенный предметъ украшенія составляютъ совершенно круглые щиты, въ центрѣ которыхъ находится съ одной стороны ушко. Съ другой стороны они гладко отшлифованы. Меньшіе изъ этихъ предметовъ украшенія, діаметръ которыхъ доходитъ отъ 1 до 2 верш., я бы причислилъ къ украшеніямъ одежды, бо́льшіе же, діаметромъ отъ 3 до 5 в., къ зеркаламъ. У нѣкоторыхъ изъ этихъ послѣднихъ придѣлана сбоку ручка или ушко, доказательство того, что они носились на шнурахъ; на другихъ же зеркалахъ придѣлана по срединѣ одной изъ поверхностей, бо́льшая пуговка, прикрѣпленная къ щитамъ посредствомъ трехъ или четырехъ мѣдныхъ штифтиковъ. У одного изъ зеркалъ, изображенныхъ на рисункахъ Палласа, вмѣсто этой кнопки помѣщена фигура барана. На одномъ изъ найденныхъ мною зеркалъ обратная сторона была тщательно разукрашена, у другого на ней помѣщалась выпуклая кайма.

Въ одной могилѣ на берегу Іюса, въ которой, какъ уже выше замѣчено, нашлось 22 женскихъ и дѣтскихъ остововъ, мною найдена была очень изящно сдѣланная мѣдная подставка; на нее ставился сосудъ съ закругленнымъ или заостреннымъ дномъ; можетъ быть, онъ служилъ свѣтильникомъ. Подставка была сдѣлана въ видѣ ковша или котелка и состояла изъ трехъ круговъ, соединенныхъ между собою тремя перекладинами. На верхней каймѣ, надъ этими перекладинами, помѣщены были изображенія трехъ дикихъ козловъ.

Кромѣ этихъ предметовъ украшенія, часто находятъ еще мѣдные колокольчики, въ видѣ полу-ядра, украшенные фигурами дикихъ козъ и оленей. Въ Императорскомъ Эрмитажѣ сохраняются пять подобныхъ экземпляровъ, найденныхъ на Алтаѣ; нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ около 4 верш. вышины. Трудно угадать, каково было назначеніе ихъ. Въ числѣ украшеній заслуживаетъ еще особаго вниманія: 1) найденная на Алтаѣ большая плитка, шириною въ 2 в. и почти въ 4 в. длиною, на коей изображенъ охотникъ съ двумя собаками; 2) вылитая изъ

мѣди статуэтка рудокопа. Оба вышеупомянутые предмета также находятся въ Эрмитажѣ.

Кромѣ этихъ металлическихъ издѣлій, во всѣхъ могилахъ встрѣчаются обломки глиняныхъ сосудовъ; всѣ они, безъ исключенія, даже въ богатыхъ могилахъ выдѣланы изъ темно-сѣрой, дурно обожженой глины и притомъ сдѣланы такъ плохо и неправильно, что мы вправѣ заключить, что сосуды эти вылѣплены руками, безъ помощи гончарнаго станка. Многіе изъ нихъ по формѣ напоминаютъ молочные горшки, еще до сихъ поръ употребляемые въ Сибири, а именно: отъ маленькаго, круглаго дна поднимаются выпуклыя боковыя стѣнки, кверху постепенно расширяющіеся. Сосуды, которые находилъ я у изголовья покойниковъ—остродонны и, вѣроятно, ставились на деревянныя или металлическія подножки. Нижняя часть этихъ глиняныхъ сосудовъ большею частью совершенно гладкая; украшенія размѣщены только вдоль верхняго борта и состоятъ большею частью изъ треугольниковъ, зубцовъ, параллельныхъ линій, дырочекъ, точекъ и другихъ рисунковъ, выведенныхъ по мягкой глинѣ, при помощи остраго орудія, и занимающихъ нѣсколько дюймовъ въ ширину.

Всѣ глиняныя издѣлія этого періода, которыя попадались мнѣ на глаза, указываютъ на то, что народы, о которыхъ идетъ рѣчь, не прилагали къ изготовленію подобныхъ глиняныхъ издѣлій такого старанія, какое замѣтно въ выдѣлкѣ издѣлій металлическихъ. Но, можетъ быть, я случайно напалъ на дурно обработанные глиняные сосуды, ибо невозможно предположить, чтобы люди, которые въ состояніи были отливать изъ металла такія изящныя и со вкусомъ сдѣланныя вещи, не умѣли выдѣлывать ничего другого, кромѣ описанныхъ грубыхъ глиняныхъ издѣлій.

Кажется, что искусство пряденія хорошо было знакомо народамъ бронзоваго вѣка. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, удалось найти маленькій кусокъ ткани, принадлежащій несомнѣнно къ тому времени. Я нашелъ его въ глазницѣ черепа нетронутой могилы на берегахъ Іюса. Ткань была довольно грубая; нельзя было различить, изъ какого вещества она была сдѣлана. Судя по общему строенію, это, очевидно, была ручная пряжа, весьма схожая со той тканью, которую киргизы и теперь изготовляютъ изъ верблюжьей шерсти, при помощи воткнутыхъ въ землю палокъ.

На нѣкоторыхъ большихъ камняхъ каменныхъ могилъ встрѣчаются рисунки, которые, несомнѣнно, высѣчены ударами остраго, твердаго орудія. Въ прежнее время такіе рисунки должны были быть гораздо много-

численнѣе, такъ какъ большинство изъ нихъ въ теченіе столѣтій раздроблялись и уничтожались, благодаря вывѣтриванію поверхности камней. Они повсюду выполнены явно тождественнымъ образомъ съ приложеніемъ однообразной техники. Кромѣ того, они вполнѣ сходны какъ по наружному виду, такъ и по способу ихъ выполненія съ тѣми рисунками, которые встрѣчаются въ большомъ количествѣ на многихъ гладкихъ утесахъ на берегахъ Енисея и въ Іюсской степи. Вслѣдствіе этого мы безусловно можемъ отнести къ бронзовому періоду всѣ рисунки, исполненные вышеуказаннымъ способомъ. Эти рисунки представляютъ грубыя изображенія людей стоящихъ, лежащихъ, падающихъ, людей съ поднятыми кверху руками (очевидно, молящихся), звѣрей, деревьевъ, луны и солнца. Между нимя находятся также непонятныя изображенія, въ которыхъ я склоненъ признать знаки собственности. Человѣческія фигуры всѣ почти, безъ исключенія, изображены пѣшими, только въ крайне рѣдкихъ случаяхъ встрѣчаются всадники. Изъ животныхъ легко узнать лошадей и животныхъ съ рогами (быковъ?). Однажды я даже видѣлъ изображеніе человѣка верхомъ на рогатомъ животномъ. Значеніе изображеній не поддается разбору; во всякомъ случаѣ, эти изображенія—не праздная забава, такъ какъ выполненіе ихъ, при недостаткѣ острыхъ желѣзныхъ орудій, должно было стоить значительнаго труда.

Кромѣ этихъ, только что упомянутыхъ рисунковъ на камнѣ и на скалахъ, мы встрѣчаемъ еще и другіе слѣды скульптурнаго искусства въ бронзовую эпоху. Нѣкоторыя плиты скалъ (маяки), стоящія вблизи каменныхъ могилъ, снабжены извѣстною орнаментаціею, другія представляютъ болѣе или менѣе хорошо исполненныя статуи, изображающія человѣческія фигуры, подобно тѣмъ, которыя встрѣчаются въ большомъ количествѣ въ южной Россіи. Русскіе называютъ такія статуи каменными бабами.

Одна статуя, найденная Мессершмидтомъ на Акъ-Іюсѣ, вполнѣ соотвѣтствуетъ, по внѣшнему виду, каменнымъ бабамъ южно-русскихъ степей; она держитъ въ правой рукѣ надгробную урну. У каменныхъ могилъ на Енисеѣ и въ Абаканской степи находятся, на сколько мнѣ извѣстно, еще до сего дня слѣдующія статуи:

1) Куртуякъ-Ташъ (камень старухи), какъ его нынѣ называютъ абаканскіе татары. Онъ находится у устьевъ рѣки Аскысъ, на Абаканѣ, и стоитъ подлѣ квадратной могилы съ исполинской оградой. Камень образуетъ почти четырехгранную призму и очень грубо обтесанъ; единственно только верхній его конецъ изображаетъ человѣческую голову.

Лицо этой головы отлично выполнено и ясно показываетъ черты старой женщины, несмотря на то, что рѣзкость чертъ значительно сглажена отъ вывѣтриванія камня. Эта статуя еще и нынѣ служитъ для обывателей предметомъ извѣстнаго поклоненія. Ей приносятъ жертвы, смазывая камень жиромъ. Во время посѣщенія этой мѣстности Мессершмидтомъ (въ 1722 г.) Куртуякъ-Ташу приносилось открытое поклоненіе; нынѣ этого уже нѣтъ. Вотъ свѣдѣнія, сообщаемыя Мессершмидтомъ, отъ 18 августа 1722 г.: „Статуя Куртуякъ высѣчена изъ сѣраго песчаника и вкопана въ землю въ косомъ направленіи (камень и до сихъ поръ стоитъ косо, т.-е. нѣсколько наклонно впередъ). Сзади, на спинѣ, можно было видѣть спускающуюся густую косу, подобно тѣмъ, какія носятъ и до сего дня калмыкскія и татарскія женщины“ (теперь косы уже нельзя различить). „Кромѣ этого, на камнѣ нельзя было замѣтить никакой надписи. Мы наблюдали за тѣмъ, какъ татары, язычники изъ Ысъ-Белтыра, клали многочисленные поклоны передъ этимъ камнемъ, причемъ каждый объѣзжалъ камень три раза. Послѣ такой церемоніи татары приносили въ жертву камню часть своей провизіи, или клали ее у пьедестала, въ травѣ, чтобы статуя могла воспользоваться провизіей по своему желанію. На мой вопросъ, какъ они могли быть настолько глупы, чтобы предполагать, что этотъ безжизненный камень достоинъ такого почитанія, и что неужели они не видятъ, что хищныя птицы, лисицы и т. д. пожирали потомъ ихъ жертвы,—они отвѣчали, что слышали отъ предковъ, что Куртуякъ была нѣкогда знатной матроной, которая обращена въ камень Кайраханомъ или всемогущимъ Богомъ, въ воспоминаніе чего ей и воздаютъ еще подобныя почести. При этомъ, они, однако, не отрицали, что иногда хищныя птицы и пожирали ихъ жертвоприношенія. Изъ всего вышесказаннаго я еще не съумѣлъ разобрать, не дошло-ли до этого народа отъ іудеевъ преданіе объ обращеніи Лотовой жены въ соляной столбъ, или, можетъ быть, какъ полагаютъ многіе изъ нашихъ европейскихъ ученыхъ, эти народы въ большой Татаріи суть остатокъ выродившейся отрасли Израиля, хотя и нельзя сдѣлать еще какого-либо правдоподобнаго предположенія въ этомъ направленіи“.

2) Кысъ-ташъ (дѣвичій камень)—каменная плита, около $1^1/_2$ арш. вышиною, овальной формы, на гладкой сторонѣ которой довольно грубо высѣчено рельефное изображеніе лица дѣвушки. Это изображеніе находится въ настоящее время на могилѣ на Еси. Что изображенное здѣсь лицо должно представлять дѣвушку, татары заключаютъ изъ того, что съ обѣихъ сторонъ лица висятъ косы, на подобіе того, какъ

до сихъ поръ зачесываютъ волосы дѣвицы у Абаканскихъ татаръ. Этотъ дѣвичій камень, какъ мнѣ разсказывалъ старикъ, прежде стоялъ въ другомъ мѣстѣ и поставленъ здѣсь лишь лѣтъ 50 тому назадъ.

3) Недалеко отъ Кушъ-таша стояли три каменныя плиты, на узкихъ переднихъ сторонахъ которыхъ были изображены лица, на одной же изъ гладкихъ сторонъ были рисунки. Въ прежнее время эти три камня стояли прямо и въ рядъ, отстоя одинъ отъ другого, приблизительно, на 1 сажень. Около 20 лѣтъ тому назадъ, произведены были мѣстнымъ начальникомъ, по высшему приказанію, раскопки подъ этими камнями; но подъ ними найдены были только семь глиняныхъ сосудовъ.

4) Въ 12 верстахъ къ сѣверу отъ устьевъ Аскыса находится грубо высѣченный изъ гранита баранъ, туловище котораго сохранилось хорошо, но голова сильно испорчена. Эта каменная глыба лежитъ теперь на высокой могилѣ, но первоначально она, очевидно, стояла не здѣсь.

5) Барна-Куртуякъ (старикъ рѣки Барна), описанный Мессершмидтомъ 21 іюля 1722 г. такимъ образомъ: „недалеко отъ рѣки Барна мы напали на четыреугольный коричневый булыжникъ, установленный здѣсь влѣво отъ песчаной дороги и имѣвшій нѣкоторое сходство съ изображеніемъ человѣка; благодаря его древности нельзя было, однако, уже распознать, кого именно онъ долженъ былъ изображать“ (камень находится не очень далеко отъ такъ называемаго Боглія озера).

6) Косанъ-Кушъ-Ташъ (камень Косанъ-Кушъ). Мессершмидтъ переводитъ Хансенъ дѣвичій камень (я думаю, что Косанъ-Кушъ есть имя героя). Въ горахъ Кара и Акъ-Іюссовъ. Описанъ Мессершмидтомъ 20 іюля 1722 г.: „Косанъ-Кушъ-Ташъ находится слѣва отъ дороги, въ пріятной, совершенно поросшей березами долинѣ. Этотъ камень имѣлъ, приблизительно, до $5^1/_2$ футовъ въ вышину. Онъ высѣченъ изъ красной скалы и представляетъ, по моему мнѣнію, китайца (??); лицо его обращено къ югу, правая рука держитъ урну, въ видѣ чайнаго блюдечка, лѣвая же рука ухватила полу платья. Онъ опоясанъ по бедрамъ и съ обѣихъ сторонъ на поясѣ у него висѣло цо мѣшечку. Голова была покрыта какъ бы шапкой, изъ подъ которой видѣлись только уши. Шапка эта, какъ кажется, была случайно отбита и наставлена снова, но не закрѣплена желѣзнымъ болтомъ; послѣднимъ, однако, не слѣдовало бы пренебрегать, такъ какъ онъ здѣсь вставленъ былъ не безъ намѣренія и причины. Усы были схожи съ польскими усами. Борода же была довольно длинна и рѣдка, такъ что можно было ясно видѣть, что эта статуя была не женская, а мужская. Мимо проѣзжающіе татары весьма почитаютъ эту статую и никогда не преминутъ

засвидѣтельствовать ей свое суевѣрное поклоненіе, посредствомъ жертвоприношеній изъ всякаго рода явствъ, говядины, кореньевъ и т. п. Я нашелъ въ травѣ, у подножія, или пьедестала, очень много сараны или radices Silii reflexi; а также замѣтилъ, что ротъ статуи былъ совершенно измазанъ жиромъ и масломъ и блестѣлъ на солнцѣ, какъ будто бы онъ былъ налакированъ".

7) Монументъ на Бюрѣ. Описанъ Мессершмидтомъ 4 августа 1722 г.: „Я узналъ, что на потокѣ Бюръ, недалеко отъ Іюсъ-Сагайской юрты, долженъ находиться прекраснѣйшій монументъ съ неизвѣстными письменами. Вслѣдствіе сего, я тотчасъ же приготовился ѣхать туда, чтобы во-очію убѣдиться въ этомъ. Камень стоялъ на обширной плоскости, не болѣе чѣмъ на пару мушкетныхъ выстрѣловъ отъ мѣста, гдѣ я въ прошломъ году остановился въ Іюсъ-Сагаѣ, хотя здѣсь никто мнѣ не сообщилъ о немъ. Онъ высѣченъ изъ красной скалы и поднимается вверхъ на подобіе венгерской сабли. Высота его надъ уровнемъ грунта—125 дюймовъ, ширина—31 дюймъ (Zoll, собственно, рейнская фортификаціонная мѣра). Камень представлялъ на заостренной оконечности большую татарскую голову (или лицо), направленную къ югу. На западной поверхности вырѣзаны всякія безформенныя фигуры, но вовсе нѣтъ буквъ; сѣверный острый уголъ закругленъ и совершенно сглаженъ, также и восточный".

Въ Алтайскомъ округѣ мнѣ извѣстны только два фигурные столба, которые находились до семидесятыхъ годовъ въ Барнаульскомъ музеѣ. Оба были высѣчены изъ гранита, около $1^1/_2$ арш. высоты и 8 верш. ширины. На передней сторонѣ были вырѣзаны 2 фигуры, которыя держали надгробныя урны. Лицо одной имѣло большіе усы и отчетливо видимую бородку, другая была безбородая и посему, вѣроятно, представляла женщину.

Въ Киргизской степи я видѣлъ три каменныя статуи, которыя находились у большого могильнаго памятника, къ югу отъ города Аягузъ (Сергіополь), на возвышенности, на правомъ берегу рѣки Аягуза. Киргизское сказаніе сопоставляетъ эти статуи съ разсказомъ о Козы-Кёрпёшъ, и считаетъ мужскую фигуру изображеніемъ самого Коза-Кёрпёша, женскую же фигуру—за его возлюбленную, Баянсулу, и другую женскую фигуру—за свояченицу его. Очевидно однако, что эти три каменныя фигуры не имѣютъ ничего общаго съ памятникомъ Козы-Кёрпёша, который, безъ сомнѣнія, представляетъ большой киргизскій памятникъ, можетъ быть, XVII или XVIII столѣтія; тогда какъ фигуры навѣрно старѣе его болѣе, нежели на тысячелѣтіе. Фигуры, несомнѣнно,

поставлены на этомъ именно мѣстѣ позднѣе; нижняя ихъ часть отломана, и мы въ настоящее время видимъ ихъ прислоненными къ боковой стѣнкѣ могилы, справа отъ входа. Мужская фигура имѣетъ 2 арш. 7 верш. длины и 10 верш. ширины; одна женская: 1 арш. 5 верш. длины и 10 верш. ширины, другая—1 арш. 5 верш. длины и 11 верш. ширины.

Всѣ три фигуры держатъ въ обѣихъ рукахъ, ниже груди, продолговатыя могильныя урны. На платьяхъ ясно видна круглая вырѣзка для шеи. На женскихъ фигурахъ надѣты острыя шапочки съ висящими по бокамъ кисточками и, кромѣ того, по обѣ стороны лица висятъ косы. На мужской фигурѣ надѣта круглая шапка, опускающаяся до середины лба и два раза загнутая надо лбомъ. Такъ какъ эти статуи сдѣланы довольно хорошо, то можно легко распознать типическую особенность формы лица: это—широкія лица съ удлиненными, но не косо направленными глазами.

О каменныхъ памятникахъ монгольскихъ степей Потанинъ сообщаетъ, что они состоятъ частью изъ необтесанныхъ, частью же изъ обтесанныхъ глыбъ скалъ и представляютъ подобіе человѣческихъ фигуръ. Монголы называютъ всѣ эти каменныя глыбы „киша-тшило“. Потанинъ встрѣтилъ, напр., необтесанныя киша-тшило на Буянту, недалеко отъ города Кобдо, гдѣ они стоятъ подлѣ четыреугольныхъ гробницъ.

Такія киша-тшило встрѣчаются весьма часто въ западной части монгольской степи. Они расположены частью неправильными группами, частью же правильными рядами. (Можетъ быть, эти киша-тшило—суть четыреугольныя каменныя гробницы?). Обтесанныя киша-тшило состоятъ большею частью изъ четыреугольныхъ каменныхъ столбовъ и плитъ, на которыхъ можно разглядѣть очень неясные знаки (круги и черты).

Изъ несомнѣнно стоячихъ изображеній Потанинъ указываетъ на слѣдующія: 1) гладкіе камни съ лицами, рельефно изображенными на одной сторонѣ (подобно Кушъ-Ташу на Ыси), въ долинахъ Кіани и Кандагатая; 2) грубая фигура, высотою въ 1 метръ, изъ сѣраго гранита, на Дайнъ-Гулѣ; голову можно ясно различить. Тогда какъ оба первыя лица вовсе не имѣютъ бороды, и поэтому, очевидно, изображаютъ женщинъ, на послѣдней ясно видны слѣды усовъ и бороды; 3) очень грубо сдѣланныя фигуры на озерѣ Кара-Узу, между рѣками Буянта и Кобдо,—двѣ стоячія, третья лежачая; послѣдняя фигура имѣла свыше 5 арш. длины. Фигуры гладко обтесаны; руки держатъ могиль-

ныя урны. Видны слѣды пояса; очень неправильно выдѣланная голова съ особенно длиннымъ подбородкомъ и носомъ. На головѣ — слѣды шапки. У лежащей фигуры шапка, длиною въ ½ арш.; 4) въ разстояніи одной версты къ югу отъ Кобдо есть четыреугольный столбъ съ хорошо сдѣланной головой; на груди могильная урна; рукъ не видно; лобъ низкій и носъ длиный; слѣды усовъ и бороды. Высота—7 футовъ и 10 англійскихъ дюймовъ, ширина—1 футъ 11 дюймовъ.

Кромѣ этихъ фигуръ, которыя совершенно сходны съ каменными изображеніями на Алтаѣ и въ южной Сибири, Потанинъ упоминаетъ еще о большомъ каменномъ изображеніи на Дайнъ-Гулѣ. Оно называется киргизами Дайнъ-Батырь, и урангайцами—Олдзе-Дайнъ. Высота его—150 центим., ширина—38 центим. Оно представляетъ обтесанный съ четырехъ сторонъ камень и большую голову, высотою въ 56 центим. Форма лба и косое направленіе глазъ ясно указываютъ на монгольскій типъ. На лицѣ, кромѣ того, замѣтны только усы. Такой ясно выраженный монгольскій типъ, слѣдовъ котораго вовсе нѣтъ на другихъ фигурахъ, даетъ поводъ предполагать, что эта каменная фигура принадлежитъ другому, гораздо болѣе позднему времени, нежели вышеписанныя каменныя фигуры. Потанинъ хвалитъ, кромѣ того, аккуратную ея работу и говоритъ, что эта статуя хорошо сохранилась. Повидимому, она еще въ настоящее время пользуется особымъ почитаніемъ обывателей, такъ какъ надъ нею выстроено нѣчто въ родѣ деревяннаго балдахина, и внутри его натянутъ шнуръ, обвѣшанный кусками шелка.

Вышеописанныя многочисленныя древности бронзоваго періода даютъ намъ возможность составить себѣ понятіе о степени культуры этого народа. О знакомствѣ его съ горнымъ дѣломъ, отливкой металловъ и прочими искусствами, я уже говорилъ. Затѣмъ я коснусь еще остальной жизни и промысловъ этого народа.

Первый вопросъ, который невольно намъ представляется, это: принадлежатъ-ли упомянутыя древности кочующему народу, или мы здѣсь имѣемъ дѣло съ народомъ осѣдлымъ? Я полагаю, что народъ бронзоваго вѣка мы должны признать осѣдлымъ народомъ. Въ пользу этого говорятъ, во-первыхъ, столь повсемѣстно развитое занятіе горнымъ промысломъ и отливкою металловъ; а затѣмъ и тотъ фактъ, что между древностями, лишь крайне рѣдко попадается конская сбруя, и что рисунки на скалахъ почти безъ исключенія представляютъ пѣшихъ людей. Далѣе, въ пользу осѣдлости этого народа говорятъ многочисленные слѣды древнихъ оросительныхъ сооруженій, которые мы встрѣчаемъ въ столь многихъ мѣстахъ, какъ напр., на лѣвомъ берегу Аба-

кана, на правомъ берегу Енисея, въ Уймонской степи, и, наконецъ, тотъ фактъ, что каменныя могилы находятся большей частью вблизи плодородныхъ, годныхъ для земледѣлія, равнинъ. Эти послѣднія обстоятельства, а равно и почти повсемѣстныя находки мѣдныхъ серповъ указываютъ на то, что древніе обитатели этихъ мѣстъ много занимались земледѣліемъ.

Весьма распространено должно было быть у народовъ бронзоваго періода занятіе охотой. Это доказываютъ не только охотничьи сцены, которыя часто встрѣчаются изображенными на рисункахъ, вырѣзанныхъ на скалахъ, но и наклонность этихъ народовъ украшать свои ножи и т. п. преимущественно изображеніями звѣрей, убитыхъ на охотѣ. Наконецъ, на тоже самое указываютъ многочисленныя стрѣлы и копья, какъ литыя, такъ и вырѣзанныя изъ кости. Снабженные этими орудіями, упомянутые народы убивали, какъ намъ доказываютъ ихъ орнаменты, медвѣдей, оленей, дикихъ козловъ и аргали, которые въ большомъ числѣ обрѣтались въ сосѣднихъ горахъ. Что эти народы употребляли при охотѣ и собакъ, видно изъ изображенія охотника съ двумя собаками, найденнаго на Алтаѣ, и изъ многихъ украшеній на кинжалахъ.

Наименѣе ясную картину можемъ мы себѣ составить о томъ, въ какомъ размѣрѣ существовало скотоводство у этихъ народовъ, и какихъ домашнихъ животныхъ они при себѣ имѣли и разводили.

Лошадь была имъ очевидно знакома. Это доказываютъ орнаменты и рисунки на скалахъ и, кромѣ того, найденныя мѣдныя уздечки. Они пользовались этими лошадьми для ѣзды верхомъ и были знакомы съ уздечкой и стременами, что видно изъ рисунковъ на скалахъ и изъ найденной мѣдной конской сбруи. Баранъ и козелъ были имъ, безъ сомнѣнія, знакомы, что доказываютъ высѣченный изъ камня баранъ и многіе орнаменты. Достовѣрно неизвѣстно, были-ли они знакомы съ быками, потому что я нигдѣ не встрѣчалъ, ни на рисункахъ на камнѣ, ни на орнаментахъ изображенія животнаго, которое несомнѣнно представляло бы быка, а между тѣмъ голова быка такъ характерна, что его легко узнать даже въ самомъ грубомъ начертаніи. Если на одномъ рисункѣ, на камнѣ—на Іюсѣ, и вырѣзанъ всадникъ, сидящій на рогатомъ животномъ, то я, однако, предполагаю, что здѣсь изображенъ всадникъ на сѣверномъ оленѣ, можетъ быть, представитель какого-нибудь сосѣдняго племени обитателей лѣсовъ. Кромѣ этихъ звѣрей, названные народы знали еще собаку и курицъ, что доказываетъ мѣдная

игла, головка которой представляетъ куриду, изображенную со всѣми ея типическими признаками.

Еще менѣе указаній даютъ намъ древности бронзоваго періода относительно одежды и жилища этихъ народовъ. Рисунки на камнѣ нигдѣ не обнаруживаютъ ясныхъ признаковъ платья на изображенныхъ здѣсь людяхъ. Точно также и охотникъ, изображенный на вышеупомянутой мѣдной пластинкѣ, а равно весьма изящно сдѣланная статуэтка рудокопа кажутся почти совершенно голыми. На статуэткѣ рудокопа ясно замѣтенъ кожаный передникъ, которымъ покрыты бедра этого работника. Такъ какъ климатическія условія края не даютъ возможности предположить, чтобы люди ходили неодѣтыми, то мы должны допустить, что ихъ платья очень тѣсно прилегали къ тѣлу, и что они не носили длинныхъ одѣяній. Знакомство съ ткаными матеріями и употребленіе ихъ для одежды доказывается найденными въ одной изъ могилъ на Іюсѣ слѣдами ткани. Каменныя статуи указываютъ на то, что эти люди стягивали части своего одѣянія вокругъ таліи поясомъ. Что такіе пояса часто были кожанные, доказываютъ намъ поясныя пряжки и предметы, служившіе очевидно украшеніями поясовъ съ остріями и петлями. На головахъ, мужчины носили, какъ показываютъ изображеніе охотника и статуэтка рудокопа, то острыя шапочки, то, судя по нѣкоторымъ каменнымъ изображеніямъ Козанъ-Кушъ-Таша на Іюсѣ и каменному изображенію мужчины у могильнаго памятника Козы-Керпеша на Аягузѣ,—ермолки, плотно охватывавшія голову. Женщины точно также носили, судя по каменнымъ изображеніямъ на Аягузѣ, острыя шапки съ висячими по бокамъ клапанами. На шапкѣ рудокопа виденъ спускающійся на затылокъ кусокъ кожи. Такимъ образомъ острая шапка могла быть по формѣ похожа на киргизскій малахай. Рудокопъ носитъ, повидимому, кожаную сумку, которая виситъ черезъ плечо на ремнѣ; она могла, можетъ быть, служить для собиранія кусковъ руды, хотя для такого назначенія она не довольно объемиста. Каменныя фигуры показываютъ, что мужчины отростали короткую бороду и довольно густые усы, а женщины носили волосы, заплетенные въ косы, висящія по обѣ стороны лица, на шеѣ и на груди. О жилищѣ этихъ народовъ, уцѣлѣвшіе памятники древности не даютъ намъ никакихъ данныхъ. Мы нигдѣ не встрѣчаемъ рисунковъ, изображающихъ ихъ дома; во всякомъ случаѣ они не имѣли никакихъ постоянныхъ каменныхъ построекъ, такъ какъ отъ таковыхъ не осталось никакихъ слѣдовъ.

Я прежде держался того мнѣнія, что народы бронзоваго періода,

обитавшіе на Алтаѣ и вокругъ него, принадлежали къ угро-самоѣдской отрасли, такъ какъ эти народы нынѣ занимаютъ весь сѣверъ западной Сибири и слѣдовательно, они должны были прежде другихъ покинуть Алтай. Теперь же, послѣ основательнаго изученія сообщеній китайцевъ о народахъ южной Сибири, я вынужденъ признать этотъ прежній свой взглядъ ошибочнымъ. Китайцы указываютъ, какъ я уже выше изложилъ, на рядъ сибирскихъ народовъ, которые въ началѣ VII столѣтія отправляли посольства къ китайскому двору; между ними были очевидно обитатели окрестностей Алтая и степей, расположенныхъ къ сѣверу отъ него по *Дубъ* и *Билъ* или *Гелочъ*. Первые, какъ я уже выше указалъ, суть безъ сомнѣнія самоѣды-оленники и предки тубинцевъ, койбаловъ, маторовъ и татаръ Чернолѣсья Если такой многочисленный народъ, какъ Дубо, еще въ VII столѣтіи находился на столь низкой ступени развитія, то невозможно допустить, чтобы часть народа, жившая въ степи нѣсколько столѣтій ранѣе, достигла той высокой степени развитія, какой достигли народы бронзоваго періода. Что обитатели Алтая занимались обработкой металловъ еще въ половинѣ VI вѣка, доказывается разсказомъ китайцевъ объ отвѣтѣ, даннымъ Шуань-шуанскимъ владѣльцемъ Тамину, князю Тукіу. Послѣдній считалъ въ числѣ своихъ подданныхъ народы старѣйшаго бронзоваго періода, обитавшіе къ сѣверу на Алтаѣ и занимавшіеся горнымъ промысломъ. Когда Таминъ просилъ руки дочери владѣтеля Шуань-Шуана, то послѣдній будто бы гнѣвно отвѣтилъ посланнику: «какъ ты, мой литейщикъ металла, осмѣливаешься дѣлать мнѣ такое предложеніе». Что Тукіу сами не занимались плавленіемъ металловъ, можетъ быть положительно выведено изъ того, что они описаны, какъ кочующій народъ, занимающійся скотоводствомъ.

Въ противоположность этому, Била или Гелочи еще въ VII вѣкѣ находились на весьма низкой ступени развитія. Они обитали въ бревенчатыхъ домахъ и занимались земледѣліемъ; слѣдовательно, они не были коннымъ народомъ. Показаніе, что Гелочи стригли волосы и носили шапки изъ березовой коры, повидимому, находитъ подтвержденіе въ головныхъ покровахъ каменныхъ изображеній бронзоваго вѣка. Точно также указаніе, что они держали лошадей, но на нихъ верхомъ не ѣздили, говоритъ въ пользу того, что Била именно и были тѣмъ народомъ, который оставилъ послѣ себя памятники бронзоваго періода.

Кромѣ того, китайцы называютъ Била народомъ, схожимъ съ Хакасами, изъ чего можно заключить, что первые также имѣли голубые глаза и рыжіе волосы. При этомъ, они должны были говорить другимъ язы-

комъ, нежели Хакасы, слѣдовательно, не на тюркскомъ языкѣ, на которомъ Хакасы, безъ сомнѣнія, выражались уже въ VII столѣтіи. Если бы Била говорили на какомъ-либо самоѣдскомъ нарѣчіи, то китайцы, безъ сомнѣнія, упомянули бы объ этомъ и сказали бы о нихъ совмѣстно съ Дубо. Такъ какъ мы находимъ на Енисеѣ и къ сѣверу отъ Алтая слѣды довольно значительнаго въ древности народа, енисейцевъ (Ассанцевъ, Аринцевъ, Сагайцевъ, Коттовъ), которые еще послѣ многихъ столѣтій отчасти вели осѣдлую жизнь и занимались до самаго XVII вѣка обработкой металловъ, вслѣдствіе чего и получили названіе кузнецовъ (татаръ-кузнецовъ) и далѣе, такъ какъ всѣ тѣ народы, которые въ настоящее время сократились до нѣсколькихъ лишь сотъ семействъ, говорятъ на своемъ собственномъ языкѣ, не принадлежащемъ къ урало-алтайскому нарѣчію, то мы должны предположить, что въ самое раннее время, вокругъ Алтая, въ западной Монголіи, въ Тарбагатаѣ, въ восточной Киргизской степи и въ южной Сибири жили народы енисейскаго племени, которые по типу лица вполнѣ отличались отъ сосѣднихъ народовъ урало-алтайской вѣтви. Западная часть этихъ енисейцевъ, племена хакасовъ, подчинились сначала тюркскому вліянію, остались кочующими и восприняли очень рано тюркскій языкъ. Напротивъ того, западные енисейцы поселились въ богатыхъ рѣчныхъ долинахъ и въ степяхъ и достигли здѣсь значительной степени культуры, какъ показываютъ памятники бронзоваго періода. Притѣсненные южными сосѣдями, впервые тронулись, конечно задолго до Рождества Христова, племена угро-самоѣдовъ и направились частью южнѣе Алтая на западъ, частью же были оттѣснены въ лѣса Саянскихъ горъ и двинулись къ востоку отъ Алтая на сѣверъ. Часть ихъ, Дубо, осталась въ лѣсистыхъ горахъ. Достигли ли эти угро-самоѣды ранѣе прочихъ высшей степени культуры, никакимъ образомъ узнать нельзя; въ VI столѣтіи они жили совершенно такимъ же образомъ, какъ нынѣшніе самоѣды-сѣверно-оленники. Часть енисейцевъ, вѣроятно, была уничтожена вторженіемъ угро-самоѣдовъ, потому что они были однимъ изъ древнѣйшихъ вполнѣ миролюбивыхъ, занимающихся промышленностью народовъ Когда именно первыя отрасли тюрковъ, Тукіу, привели западныхъ енисейцевъ подъ свое подданство, опредѣлить исторически невозможно; но это должно было случиться очень рано и, вѣроятно, какъ мы это позднѣе увидимъ, въ ту эпоху, когда народы бронзоваго періода начали обрабатывать и желѣзо. Къ началу VI столѣтія они были очевидно уже давно подданными Тукіу. Въ позднѣйшее время, енисейцы, конечно, никогда уже не могли подняться до степени самостоятельнаго народа, но все болѣе

и болѣе сливались со своими тюркскими властителями, пока, наконецъ, уцѣлѣли только немногочисленныя ихъ отрасли на Кузнецкомъ Алатаѣ, на верховьяхъ Томи, Абакана и по среднему Енисею. Древній языкъ сохранили только Котты, Арины, Ассане и енисейскіе Остяки, тогда какъ Сагайцы, Белтиры и кузнецкіе кузнецы-татары, уже въ XVI столѣтіи говорили только по тюркски. Вслѣдствіе частаго смѣшенія, у всѣхъ племенъ енисейскаго происхожденія отличительныя черты расы (бѣлокурые волосы и голубые глаза) были въ XVI столѣтіи уже утеряны.

Когда именно енисейцы бронзоваго періода познакомились съ желѣзомъ и познакомились-ли они съ нимъ сначала посредствомъ торговли, или научились добывать его съ помощью Тукіу, вошедшихъ въ сношеніе съ Китаемъ,—конечно, не можетъ быть опредѣлено, но можно утверждать, что именно они имѣли уже желѣзное оружіе. Правда, я нигдѣ не встрѣчалъ въ могилахъ бронзоваго періода даже слѣдовъ желѣза, но въ степяхъ Абакана, на Енисеѣ и на Алтаѣ были найдены кинжалы и ножи, выкованные изъ желѣза, но до мельчайшихъ подробностей схожіе по формѣ съ ножами мѣднаго и бронзоваго періода. Желѣзные ножи этого рода подражаютъ почти всѣмъ формамъ мѣдныхъ; часто они представляютъ просто желѣзныя полосы, длиною не болѣе 3 или 4 вершковъ, одинъ конецъ которыхъ заостренъ, а другой закругленъ и снабженъ дыркой, или же это маленькіе, острые ножи, сдѣланные точно также изъ одного куска желѣза, до половины отшлифованнаго и на концѣ рукоятки снабженнаго наконечникомъ, напоминающимъ петлю. Въ-третьихъ, есть ножи, сработанные очень изящно; рукоятка, длиною около 2 вершковъ, узка, края закруглены; на концѣ рукоятки находится кольцо. Лезвіе шире и заканчивается острымъ кончикомъ, тогда какъ спинка ножа приближается мягкимъ изгибомъ къ острію. У одного, найденнаго мною желѣзнаго ножа этого періода, рукоятка и клинокъ образуютъ тупой уголъ, точно также, какъ у вышеописаннаго бронзоваго ножа, который, очевидно, употреблялся, какъ рабочее орудіе.

У желѣзныхъ кинжаловъ этого рода мы находимъ также почти всѣ формы кинжаловъ мѣднаго періода; у нихъ у всѣхъ клинокъ и рукоятка выкованы изъ одного куска. Даже украшенія подражаютъ украшеніямъ бронзовыхъ кинжаловъ, съ тою разницей, что они уже не представляютъ фигуръ животныхъ, но состоятъ изъ простыхъ извилистыхъ линій. Причина этого легко понятна: работники хотя и умѣли вырѣзывать въ литейной формѣ тонкіе рисунки орнаментовъ и послѣ отливки исправлять эти орнаменты посредствомъ шлифовки, но не умѣли

выковывать подобные рисунки и довольствовались подражаніемъ формамъ орнаментовъ въ общемъ видѣ. Это самымъ наглядным образомъ видно при сравненіи бронзоваго кинжала, на концѣ котораго двѣ звѣриныя головы образуютъ кольцо рукоятки, съ желѣзнымъ кинжаломъ, имѣющимъ подобную же рукоятку. Я нашелъ только одинъ кинжалъ этого періода, который имѣлъ до того тонкую желѣзную рукоятку, что въ подобномъ видѣ онъ не могъ быть годенъ къ употребленію и долженъ былъ непремѣнно быть еще снабженъ на рукояткѣ деревяннымъ черенкомъ или обвернутъ кожей или ремнемъ.

Перейдемъ теперь къ гробницамъ и древностямъ второго культурнаго періода южной Сибири, который, въ противоположность бронзовому и мѣдному періодамъ, мы назовемъ желѣзнымъ періодомъ. Къ этому періоду слѣдуетъ причислить всѣ остальныя могилы, выше нами описанныя, за исключеніемъ каменныхъ могилъ, а именно всѣ кучкообразныя или холмообразныя могилы на югѣ и большую часть земляныхъ могилъ на сѣверѣ. Такъ какъ земляные холмы по наружному виду всѣ похожи одинъ на другого, то по общему ихъ виду мы отнюдь не можемъ опредѣлять періодъ ихъ сооруженія. На югѣ однако мы встрѣчаемъ несомнѣнно два рѣзко отличающіеся вида каменныхъ холмообразныхъ могилъ: 1) большія насыпныя каменныя могилы юго-западнаго Алтая (Уймонская степь и Бухтарма) и Тарбагатая и 2) маленькія насыпныя каменныя могилы на среднемъ хребтѣ и по окрайнамъ Абаканской степи, которыя татарскими обывателями Абаканской степи называются киргизскими могилами.

Древнѣйшій желѣзный періодъ на южномъ Алтаѣ.

Какъ я уже объяснялъ выше, могилы этого періода отличаются, главнымъ образомъ, тѣмъ, что тотъ могильный холмъ, который имѣетъ болѣе или менѣе значительные размѣры, насыпанъ изъ маленькихъ, очевидно, намѣренно разбитыхъ кусковъ скалъ. Вѣтру возможно было здѣсь наполнить землею и пылью промежутки въ наружномъ каменномъ покровѣ лишь до половины высоты холма, такъ что только эта часть, засыпанная землею могла обрости травою; поэтому болѣе высокіе могильные холмы этого періода получаютъ своеобразный, характеристическій наружный видъ. Верхняя же часть могильнаго холма состоитъ изъ голыхъ камней и возвышается какъ скалистая вершина горы надъ нижней частью, образующей окружность, обросшую зеленью. Эти большія насыпныя каменныя могилы указываютъ въ общемъ лишь из-

рѣдка на слѣды прежнихъ раскопокъ, такъ какъ такія раскопки, какъ мы увидимъ далѣе, сопряжены были съ немалыми затрудненіями. Небольшое же количество золота, находимое въ такихъ могилахъ, не заслуживало, конечно, труда заниматься раскопкою.

Я предпринялъ изслѣдованіе могилъ этого періода на двухъ пунктахъ: 1) въ Уймонской степи и 2) на Бухтармѣ, недалеко отъ устьевъ рѣки Берели. Недалеко отъ деревни Катанда, расположенной на лѣвомъ берегу рѣки верхней Катанды, находятся четыре весьма значительные могильника. Первый могильникъ, на лѣвомъ берегу нижней Катанды, заключаетъ 30 — 40 могилъ, холмы которыхъ состоятъ изъ наваленныхъ большихъ камней. Могильные холмы всѣ невелики и имѣютъ отъ 1 до 5 саж. въ діаметрѣ. Сбоку отъ этого могильника расположенъ рядъ каменныхъ круговъ; каждый изъ нихъ состоитъ изъ большихъ неотесанныхъ глыбъ булыжника, до половины вкопанныхъ въ землю. Второй могильникъ расположенъ въ разстояніи около 2 верстъ отъ деревни въ большой равнинѣ между верхней и нижней Катандой. Этотъ могильникъ состоялъ изъ большаго кургана, высотою въ 1 саж. и діаметромъ въ 14 саж., насыпь котораго была сравнена и состояла изъ большихъ булыжниковъ. Вокругъ этихъ зеленыхъ могильныхъ холмовъ расположены были около 20 меньшихъ могилъ съ могильными холмами, наваленными изъ камней. Рядомъ со вторымъ могильникомъ замѣтны были ясные слѣды большихъ каналовъ, при помощи которыхъ прежніе обитатели, очевидно, искусственно орошали свои поля, расположенныя въ отдаленной части долины. Третій могильникъ размѣщенъ былъ на правомъ берегу верхней Катанды и весьма схожъ съ первымъ; наконецъ, четвертый могильникъ расположенъ былъ на берегу самой Катуньи, къ западу отъ устья Катанды, и состоялъ изъ небольшого числа незначительныхъ могилъ съ каменными холмами.

Изслѣдованіе перваго могильника отъ 18 до 20 іюня 1865 г.

Въ первый день я началъ съ изслѣдованія нѣсколькихъ каменныхъ круговъ, состоявшихъ изъ семи камней. Я приказалъ раскопать на $1^1/_2$ саж. въ глубину все внутреннее пространство трехъ круговъ, изъ которыхъ каждый имѣлъ въ діаметрѣ около сажени. Грунтъ состоялъ изъ однородной твердой глины, въ которой замѣтно было симметрическое отложеніе слоевъ. Это наглядно доказывало, что грунтъ былъ здѣсь нетронутъ и что, слѣдовательно, каменные круги служили не гробницами, но, по всей вѣроятности, мѣстами жертвоприношеній.

Послѣ полудня я приступилъ къ вскрытію четырехъ совсѣмъ маленькихъ холмиковъ, наружный видъ которыхъ нѣсколько отличался отъ прочихъ. Они состояли изъ груды камней и земли, а на восточной сторонѣ окружности, немного наклонно къ востоку, былъ врытъ въ землю каменный столбъ, высотою отъ 6 до 8 верш. Въ одномъ изъ такихъ холмовъ найдены были подъ камнями желѣзныя лошадиныя удила, въ другомъ желѣзный ножъ; но такъ какъ и подъ этими холмами нигдѣ не было обнаружено могильныхъ ямъ, то я ограничился раскопкой грунта лишь на $^1/_2$ саж. въ глубину.

19 и 20 іюня я изслѣдовалъ 8 насыпныхъ могилъ, вышиною въ $^1/_2$ арш. и діаметромъ въ 1—2 саж., наружный видъ которыхъ не представлялъ никакихъ слѣдовъ прежнихъ раскопокъ. Четыре изъ нихъ оказались однако уже прежде взрытыми. Изъ остальныхъ же—три были не тронуты и совершенно одинаковаго построенія, а именно: могильный холмъ высотою въ $^1/_2$ арш., нигдѣ не поросшій травою, состоялъ изъ мелко-разбитыхъ камней безъ примѣси земли. На $^1/_4$ арш. ниже уровня грунта земля была выкопана и углубленіе наполнено точно такими же камнями. Затѣмъ въ серединѣ холма показалась четыреугольная могильная яма, длиною въ 1 саж. и шириною почти въ два аршина, наполненная смѣсью глины съ большими булыжниками. Въ западной части могилы, обращенной длинными сторонами къ востоку, было гораздо больше камней и они были большей величины, чѣмъ въ восточной ея части. На глубинѣ $1^1/_2$ арш. въ могилѣ были почти одни только камни. Подъ ними въ одной могилѣ находились двѣ лежащія на боку лошади, головами обращенныя къ востоку; во второй могилѣ—двѣ лошади и жеребенокъ, положенные точно такимъ же образомъ, а въ третьей—три лошади. Въ каждой могилѣ у одной изъ лошадей замѣчались около морды остатки желѣзной узды. Подъ лошадьми лежалъ слой маленькихъ камней, а подъ ними находилась нетронутая твердая земля, т.-е. дно могилы. На сѣверной сторонѣ могила была вырыта шире и опускалась глубже въ землю. Углубившись съ сѣверной стороны еще на $^1/_2$ арш. мы натолкнулись на цѣлый рядъ послѣдовательныхъ спинныхъ позвонковъ барана, а затѣмъ на 3 человѣческіе скелета. Эти послѣдніе лежали на спинѣ, головой къ западу, отъ 270^0 до 275^0; руки были плотно прижаты къ тѣлу, а большіе пальцы подняты кверху. Спинной хребетъ барана былъ положенъ на грудь покойниковъ. Судя по найденнымъ при нихъ предметамъ, два остова были мужскіе, третій же женскій. Первый мужской скелетъ былъ длиной въ 2 арш. 7 верш., второй—2 арш. 8 в., а женскій—2 арш. 4 в.

Подлѣ этого послѣдняго найдены были мѣдныя серьги, а на черепѣ — слѣды головнаго убора изъ ткани, украшенной мѣдными бляшками, сбоку желѣзный кельтъ и рыбьи кости; на пальцѣ правой руки сломанное серебряное кольцо и круглый просверленный камень, вѣроятно, отъ веретена; на ногахъ—остатки обуви (чулокъ) съ мѣдными украшеніями. Подлѣ мужскихъ же остововъ, по правую и лѣвую сторону, около рукъ найдены точильный камень, желѣзныя и костяныя стрѣлы, ножи, остріе копья и обломки лука. Въ послѣдній день я открылъ еще большую, круглую насыпанную изъ камней могилу, высотою въ 1 аршинъ и діаметромъ въ 3 саж. Здѣсь, на $1^1/_2$ арш. глубины, мы нашли лошадиный скелетъ, положенный головою къ востоку. Еще аршиномъ глубже оказались завернутые въ мѣхъ штаны и чулки. Первые были изъ ткани, ручной работы, чулки же изъ войлока, со стеганными подошвами. Нѣкоторыя части этихъ одеждъ хорошо сохранились, благодаря тому, что были завернутыми въ мѣхъ, который имѣлъ видъ пучковъ волосъ, моментально обращавшихся въ пыль отъ соприкосновенія съ воздухомъ.

Изслѣдованіе второго могильника отъ 21 до 29 іюня.

При болѣе точномъ осмотрѣ большого кургана этого могильника, оказались въ трехъ или четырехъ мѣстахъ ясные признаки прежней попытки вскрыть могилу. Однако, по моему мнѣнію, эти раскопки были очень незначительны, и я полагалъ, что *бугровщики* (вскрыватели могилъ) не дошли до основанія изслѣдуемой громадной могилы. Такъ какъ остовы, найденные въ маломъ курганѣ, положены были по направленію съ запада на востокъ, то я рѣшился разобрать камни могильнаго холма траншеей шириною въ 7 саж. Эту траншею я провелъ на разстояніи 11 саж. въ длину. Между камнями могильнаго холма мы нашли кости, по крайней мѣрѣ, шести лошадей и нѣсколько поломанныхъ человѣческихъ костей. Кромѣ того: 6 желѣзныхъ удилъ, различныя желѣзныя и костяныя стрѣлы, желѣзный и мѣдный ножи, желѣзный заступъ, желѣзную саблю, множество голубыхъ стеклянныхъ бусъ и два сердцевидныхъ сердолика, служившихъ, очевидно, принадлежностями серегъ. Всѣ эти предметы были разбросаны какъ попало, слѣдовательно, были выброшены изъ могильной ямы прежними вскрывателями могилы.

Срыть могильный холмъ удалось быстро, благодаря тому, что камни были невелики и свободно лежали одинъ на другомъ. Мы срыли курганъ въ 3 дня. Въ серединѣ его, подъ могильнымъ холмомъ, мы нашли

могильную яму, длиною въ 2 саж. и въ $2^1/_2$ шириною, наполненную землею и большими каменными глыбами. На аршинъ въ глубину мы безъ затрудненія могли вынуть содержимое ямы. Здѣсь, однако, наша работа внезапно остановилась. Дно оказалось совершенно замерзшимъ и со всѣхъ сторонъ сочилась въ яму вода. Выкачать изъ ямы воду и пробить мерзлую землю ломами оказалось дѣломъ настолько труднымъ, что въ продолженіе цѣлаго дня намъ удалось проникнуть глубже въ грунтъ лишь на $^1/_2$ арш. Поэтому я приказалъ части рабочихъ добыть сухихъ дровъ, разложить ихъ на днѣ могильной ямы, зажечь и затѣмъ удалить растаявшій верхній слой земли. Потомъ яму опять нагрѣвали, и т. д. Работа эта подвигалась, конечно, очень медленно, потому что въ ямѣ то и дѣло попадались громадные обломки скалъ. Тѣмъ не менѣе, оказалось возможнымъ извлечь содержимое ямы, не попортивъ его при вынутіи. На глубинѣ 2 саж. подъ землей мы нашли между камнями сначала разбросанныя кости человѣка и лошадей и желѣзныя удила съ большими кольцами. Около $^1/_2$ арш. глубже наткнулись на построенные вдоль по стѣнамъ могильной ямы четыреугольные лѣса изъ дерева породы лиственныхъ деревъ; по западной и восточной сторонамъ эти описываемые лѣса состояли изъ прямыхъ другъ на друга положенныхъ брусковъ, длиною въ 1 арш.; на сѣверной же и южной сторонахъ (длинныхъ сторонахъ могильной ямы) они состояли изъ длинныхъ балокъ, положенныхъ крестъ на крестъ подъ острымъ угломъ. Деревянная крыша этихъ лѣсовъ обнаружена только въ сѣверной части; южная половина крыши была несомнѣнно снята при прежнемъ вскрытіи могилы. На $1^1/_2$ арш. ниже крыши могильная яма была наполнена громадными каменными глыбами, между которыми встрѣтились неправильные куски березовой коры и лохмотья вышитой кожи. По удаленіи этихъ камней мы наткнулись на двѣ объемистыя балки, которыя лежали поперегъ ямы и были вставлены въ лѣса. На западной балкѣ лежала связка кожи, покрытая ледяною корою вершка въ три толщиной. Я приказалъ перерубить балку и вмѣстѣ со льдомъ достать ее изъ ямы. Когда ледъ растаялъ, передъ нами оказалась одежда изъ собольяго мѣха, похожая на фракъ, покрытая шелковой матеріей и украшенная по краямъ кожей и кусочками золота. Прежніе вскрыватели очевидно дошли только до сихъ поръ, такъ какъ подъ балкой оказался нетронутый пластъ березовой коры, покрывавшій всю могильную яму. Немного ниже поперечной балки найдено было въ кускѣ льда промежъ березовой коры свернутое платье, сшитое изъ горностаеваго мѣха, выкрашеннаго въ зеленый и красный цвѣта; платье было украшено пу-

говицами и золотыми пластинками, рукава его были длинные, узкіе. воротникъ высокій; въ платьѣ былъ завернутый камзолъ изъ горностаеваго мѣха и прикрѣпленные къ шелковой лентѣ вырѣзанные изъ дерева лошади и фантастическіе звѣри; затѣмъ чаша и нѣсколько рельефныхъ изображеній фантастическихъ животныхъ въ видѣ оленей и медвѣдей. Послѣ того, какъ весь слой березовой коры былъ вынутъ, мы достигли дна могильной ямы на глубинѣ свыше 3 саж. Нижняя часть ямы была наполнена водой и не замерзла. На днѣ могильной ямы, по направленію съ востока на западъ, стояли два стола о четырехъ ножкахъ; на каждомъ изъ этихъ столовъ лежалъ скелетъ, безъ всякихъ украшеній, головою къ востоку. Столы были очень чисто выдѣланы съ помощью топора, но не струганы, и окаймлены бортомъ высотою около 1 дюйма. Столъ, бортъ и ножки, въ видѣ усѣченныхъ конусовъ, сдѣланы изъ одного куска дерева; вокругъ ножекъ сѣвернаго стола были прикрѣплены мѣдные обручи, шириною около $2^1/_2$ верш. Такъ какъ со всѣхъ сторонъ въ могильную яму протекали грязь и вода, то лишь съ трудомъ удалось собрать въ могилѣ золотыя пластинки и отдѣльные куски одежды. Скелеты оказались совершенно истлѣвшими и отъ прикосновенія распадались въ пыль. Точную длину этихъ остововъ опредѣлить было невозможно; приблизительно, она доходила отъ 2 арш. 5 верш. до 2 арш. 7 верш. По моему мнѣнію, эта могила была раньше вскрыта до поперечной балки и разграблена; вѣроятно, всѣ принадлежащіе покойнику предметы и лошади находились надъ поперечной балкой. Это доказывается тѣмъ, что въ верхней части могильной ямы и могильнаго холма найдены разбросанныя лошадиныя кости и желѣзные предметы, которые при разграбленіи оставлены въ могилѣ, какъ ненужные.

Кромѣ большой могилы, я приказалъ вскрыть на второмъ могильникѣ еще 9 малыхъ могилъ, изъ которыхъ четыре оказались нетронутыми. Во всѣхъ четырехъ, судя по найденнымъ предметамъ, были мужскіе скелеты. Первая могила лежала къ востоку отъ большого кургана. Устройство ея было такое же, какъ у могилъ перваго могильника. На глубинѣ 2 арш. мы наткнулись на остовъ лошади, лежащій головою къ востоку; около него были желѣзныя удила, стремя и желѣзная пряжка; на $^1/_2$ арш. глубже — мужской скелетъ, длиною въ 2 арш. $7^1/_2$ верш. Слѣва отъ него лежалъ прямой, острый мечъ, 17 трехгранныхъ желѣзныхъ наконечниковъ стрѣлъ и нѣсколько наконечниковъ изъ кости. На груди лежали нѣсколько кусковъ ткани и, нѣсколько выше, спинные позвонки барана. Около головы находился ма-

ленькій серебряный сосудъ съ ручкою. Всѣ кости лежали совершенно въ порядкѣ, только голова находилась на правой сторонѣ остова, у ложныхъ реберъ.

Вторая могила отличалась тѣмъ, что здѣсь какъ лошадь, такъ и трупъ мужчины положены были головою къ западу. У скелета мужчины, кромѣ нѣсколькихъ желѣзныхъ стрѣлъ, находились еще огниво и красный камень, служившій очевидно кресаломъ.

Въ третьей и четвертой могилѣ, которыя по своему устройству не отличались отъ вышеописанныхъ, нашлись, кромѣ украшеній лука и желѣзныхъ стрѣлъ, еще желѣзный кельтъ и вырѣзанная изъ кости поясная пряжка.

Въ пятой, совсѣмъ маленькой могилѣ, насыпь которой не превышала 2 арш. въ діаметрѣ, на глубинѣ $^1/_2$ арш. ниже уровня земли былъ зарытъ баранъ.

Изслѣдованіе могильника въ Берельской степи, расположеннаго по верховьямъ Бухтармы, недалеко отъ берега, съ 12 іюля до 9 августа 1865 г.

На разстояніи около шести верстъ ниже устья рѣки Береля, отрасли сѣверныхъ горъ образуютъ маленькое плоскогоріе, лежащее на 30—40 саж. выше уровня Берельской степи. На этомъ плато расположены недалеко отъ южной окраины его, около 20 довольно значительныхъ могильныхъ холмовъ, насыпанныхъ изъ большихъ камней. Бо́льшая часть этихъ могильныхъ холмовъ имѣла болѣе 8 саж. въ діаметрѣ. Только 4 кургана насыпаны вблизи рѣки, остальные всѣ—около $1^1/_2$ верстъ далѣе къ сѣверу. Я вскрылъ здѣсь 4 кургана у рѣки и, кромѣ того, три кургана во второй группѣ. Одинъ изъ кургановъ, у самой рѣки, имѣлъ отъ $2^1/_2$ до 3 саж. высоты и болѣе 14 саж. въ діаметрѣ. Онъ былъ насыпанъ совершенно правильно, и нигдѣ не видно было слѣдовъ прежняго вскрытія. Въ народѣ существуетъ преданіе, что здѣсь похоронена принцесса, сидящая на золотомъ стулѣ. Могильный холмъ былъ столь значителенъ, что я рѣшился снять его цѣликомъ. Чтобы срыть этотъ холмъ, который весь состоялъ изъ камней, мы должны были работать до 23 іюля. Камни были насыпаны правильными рядами; сначала рядъ плоскихъ, потомъ рядъ круглыхъ камней; пространство между круглыми камнями было наполнено рѣчными камнями. Между камнями могильнаго холма находились скелетъ лошади, желѣзныя удила и два желѣзныхъ стремени. Я не могу съ

точностью утверждать, лежали-ли кости животнаго въ правильномъ положеніи. Рабочіе скрыли отъ меня эту находку, и желѣзные предметы были мнѣ доставлены только на слѣдующій день послѣ нахожденія ихъ. Когда мы достигли до уровня земли, то по серединѣ холма обнаружилась большая могильная яма въ $3^1/_2$ саж. длины и 3 саж. ширины. Хотя вся земля здѣсь совершенно замерзла, однако можно было ясно распознать могильную яму, потому что она была наполнена пескомъ и глиной. Только при помощи огня возможно было углубляться въ крѣпко замерзшій грунтъ. Работа здѣсь также шла крайне медленно; до 28 іюля мы раскопали могильную яму только на $2^1/_2$ саж. На этой глубинѣ въ южной части ямы мы наткнулись на рядъ балокъ. Въ верхней части могильной ямы до глубины 1 саж. не было и слѣда камней, но затѣмъ показались, какъ въ западной, такъ и въ восточной частяхъ отдѣльныя громадныя каменныя глыбы. 29 іюля я приказалъ равномѣрно расчищать всю могилу, и въ южной части ея мы нашли пластъ бревенъ, а въ сѣверной—пластъ березовой коры. По удаленіи послѣдняго оказалось, что вся сѣверная часть наполнена была скелетами лошадей. Здѣсь лежало 16 лошадей, всѣ головами къ востоку, въ 4 ряда, по 4 лошади въ каждомъ ряду. У первыхъ двухъ рядовъ мы нашли желѣзныя удила. Эти восемь лошадей были покрыты густымъ слоемъ украшеній, вырѣзанныхъ изъ березовой коры и дерева и по большей части обложенныхъ золотыми пластинками; особенно много такихъ золотыхъ пластинокъ находилось въ первомъ ряду. Подъ лошадьми былъ твердый грунтъ. Невозможно было точно опредѣлить положеніе лошадей и украшеній, благодаря тому, что снѣгъ, таявшій на боковыхъ стѣнкахъ, стекалъ внизъ и постоянно наполнялъ могилу жидкимъ слоемъ грязи, толщиною въ нѣсколько дюймовъ. На слѣдующій день я приказалъ очистить и убрать прочь слой бревенъ въ южной части могильной ямы. Мы нашли здѣсь на восточномъ и западномъ концахъ 4 тщательно обтесанныя перекладины, между которыми лежали вдѣтыя одна въ другую соединенныя доски. Потомъ оказалось, что по серединѣ находилась половина выдолбленнаго ствола дерева, имѣвшаго $1^1/_2$ арш. въ діаметрѣ, и что къ этому стволу при крѣплены были двѣ доски. Все это было сдѣлано изъ лиственницы и прикрыто березовой корой. По удаленіи верхняго слоя этой коры оказалось, что на четырехъ углахъ выдолбленнаго ствола дерева придѣланы были четыре вылитыя изъ мѣди птицы, съ каждой стороны по одной птицѣ, съ поднятыми и по одной съ опущенными крыльями. По обѣ стороны выдолбленнаго ствола находились два прямо-

угольника, тщательно составленные изъ каменныхъ плитъ. Когда дерево и камни были удалены, то открылась прямоугольная могильная яма нѣсколько меньшихъ размѣровъ, нежели деревянная крыша, наполненная на глубинѣ около $1^1/_2$ арш. ниже этой крыши глиной и рѣчными камнями. Подъ деревянной крышей былъ совершенно истлѣвшій остовъ лошади. Здѣсь земля уже не была замерзшей. На глубинѣ $10^1/_2$ арш. ниже поверхности земли я наткнулся на человѣческія кости, а именно кости рукъ и ногъ, которыя лежали однако не въ длину могилы, но поперекъ ея. Кости рукъ находились прямо подъ сѣвернымъ краемъ могильной ямы. Я приказалъ изслѣдовать всю сѣверную стѣну, но нашелъ только остатки еще двухъ или трехъ реберъ. Кости такъ пострадали отъ сырости, что когда ихъ вынули изъ могилы, представляли только пыль и осколки. Подлѣ человѣческихъ костей нашлись остатки мѣдныхъ и небольшого числа золотыхъ пластинокъ. Въ юго-восточномъ углу могилы, на уровнѣ скелета мы нашли еще кучку угля и пепла. Подъ человѣческими костями былъ каменистый грунтъ, очевидно дно склепа. Такъ какъ въ послѣдніе дни была дождливая погода, то края могильной ямы начали обсыпаться, почему 8 августа мы вынуждены были прекратить работу. Во всякомъ случаѣ сама могила мнѣ кажется разграбленною; невѣроятно, чтобы это случилось ночью во время моихъ работъ, такъ какъ часть человѣческихъ костей лежала въ порядкѣ, и кромѣ того я помѣстилъ часового у могилы. Можетъ быть, могила была ограблена уже въ то время, когда она сооружалась.

Всѣ остальные меньшіе могильные холмы, вскрытые мною въ Берельской степи, оказались построенными такъ же, какъ и могила на Катандѣ. Во всѣхъ могилахъ находились лошади,—въ одной даже цѣлыхъ пять,—зарытыя вездѣ арш. на $1^1/_2$ выше людей. Слѣдуетъ еще замѣтить, что во многихъ могилахъ найдены были серебряныя украшенія, затѣмъ очень хорошо сдѣланная глиняная посуда, ножъ въ ножнахъ, другой ножъ и кинжалъ, сдѣланные совершенно по образцу ножей и кинжаловъ мѣднаго періода, но изъ желѣза; желѣзная рукоятка была только покрыта тонкой золотой пластинкой. У одного остова найденъ былъ длинный мечъ съ желѣзною рукояткой и кольцомъ, сдѣланной по образцу рукоятокъ кинжаловъ мѣднаго періода, и куски желѣзнаго панцыря изъ продолговатыхъ пластинокъ, которыя были, повидимому, укрѣплены на кожѣ.

Земляные могильные холмы, вскрытые мною къ сѣверу отъ Алтая въ Кулундѣ, въ Барабинской степи и у Барнаула, по своему устройству сходны по большей части съ могилами болѣе древняго желѣзнаго

періода, съ тою только разницею, что здѣсь въ меньшихъ могилахъ не встрѣчается скелетовъ лошадей, а если они и находились, то они лежали подлѣ человѣческихъ остововъ. Судя по предметамъ, найденнымъ въ этихъ могилахъ, можно заключить, что онѣ относятся ко времени позднѣйшему, чѣмъ насыпныя могилы южнаго Алтая. Подлежитъ еще сомнѣнію, чтобы онѣ принадлежали одному и тому же народу, такъ какъ характеристическіе признаки южнаго желѣзнаго пе́ріода отсутствуютъ.

Слѣдуетъ описаніе вскрытія нѣкоторыхъ могилъ, дабы дать возможность сравнить ихъ устройство съ построеніемъ насыпныхъ могилъ южнаго Алтая.

1. Вскрытіе могилы въ Кулундѣ.

Круглый земляной могильный холмъ, вышиною въ 1 саж., равномѣрно обросшій травою, въ діаметрѣ около 16 арш. Сверху могильный холмъ нѣсколько сглаженъ, но снаружи не замѣтно однако никакихъ признаковъ прежняго вскрытія. Изслѣдованіе производилось 14 и 15 мая 1862 г. Весь могильный холмъ состоялъ изъ такой же глинистой земли, какъ и окружающая степь. Мы провели по серединѣ кургана траншею, шириною около 3 арш., въ главномъ направленіи отъ сѣвера къ югу. Когда могильный холмъ былъ срытъ, мы наткнулись на грунтовую землю, отличаемую тѣмъ, что всюду, вмѣсто желтой глины, показался черноземъ. Только по серединѣ раскопа замѣтенъ былъ прямоугольникъ желтаго цвѣта; это и была могильная яма. Длина ея равнялась $3^1/_2$ арш.; ширина — 3 арш. Она находилась въ западной части кургана и вдавалась только на $^1/_2$ арш. въ восточную половину. На глубинѣ немного болѣе чѣмъ 1 сажени мы напали на слой древеснаго угля, покрывавшаго равномѣрно все дно могильной ямы. Толщина слоя угля была не болѣе дюйма. Когда этотъ слой былъ удаленъ, мы наткнулись на слой досокъ, положенныхъ въ направленіи отъ сѣвера къ югу; доски были толщиною вершка въ три и выстроганы такъ, что онѣ приходились плотно одна къ другой и вмѣстѣ образовали полъ. Послѣ того, какъ этотъ рядъ досокъ былъ снятъ, мы нашли второй слой такихъ же досокъ, соединенныхъ между собою, которыя лежали по направленію отъ востока къ западу. Ниже послѣдняго слоя дерева находились въ южной части скелетъ лошади и рядомъ съ нимъ два человѣческіе остова, лежащіе въ сѣверо-восточномъ направленіи (70^0). Человѣческіе скелеты лежали на спинѣ; руки были протянуты вдоль

туловища; большіе пальцы обращены кверху, голова къ востоку. Длина перваго остова: 2 арш. 5 верш., второго — 2 арш. $6^1/_2$ верш. У сѣвернаго скелета лежалъ около праваго плеча, крючекъ отъ удочки, около лѣваго — 8 спинныхъ позвонковъ рогатаго животнаго; по обѣ стороны локтя лежало по стремени, на серединѣ тѣла — мѣдная пряжка, съ лѣвой стороны таза книзу — желѣзный мечъ (прямой, съ однимъ лезвеемъ, украшенный головкой; рукоятка была обвернута кожей), на пальцахъ лѣвой руки было 2 мѣдныя кольца, подлѣ лѣвой руки лежалъ ножъ. Около южнаго скелета былъ воткнутъ надъ головой наконечникъ копья (безъ древка), сбоку, ниже лѣваго плеча, находился желѣзный мечъ; между ногами 8 спинныхъ позвонковъ рогатаго животнаго. У остова лошади находились во рту остатки желѣзной уздечки, на головѣ кусочки желѣзной сбруи, съ обѣихъ сторонъ — по желѣзному стремени.

2. Вскрытіе могилъ у Барнаула.

Не разграбленными оказались только совсѣмъ незначительные курганы, большею частью только въ $^1/_2$ арш. высоты и отъ 2 до 3 саж. въ діаметрѣ. Въ августѣ 1862 г. я вскрылъ 4 изъ этихъ холмовъ. Посреди каждаго кургана находилась прямоугольная могильная яма, длиною около 3 арш.; три такихъ ямы были шириною въ $1^1/_2$ арш., четвертая же въ $2^1/_2$ арш. Глубина нигдѣ не превышала $1^1/_2$ арш. Внутри двухъ могилъ встрѣтился слой дерева, около 2 верш. толщиною, который покрывалъ однако только половину дна могильной ямы. Въ третьей изъ этихъ маленькихъ могильныхъ ямъ найденъ былъ лишь слой березовой коры, а равно и въ четвертой могилѣ. Ниже слоя дерева или березовой коры находились человѣческіе скелеты; въ двухъ могилахъ оказалось даже по два рядомъ лежащихъ остова (могила 1-я: направленіе скелета — головою къ NO 85^0; могила 2-я: — NO 72^0; могила 3-я: оба остова — NO 73^0; могила 4-я: оба скелета — NO 77^0). Всѣ остовы лежали на спинѣ, съ головою, согнутой на бокъ, и руками, вытянутыми вдоль туловища. На груди каждаго скелета лежало 4—5 спинныхъ позвонковъ барана. Длина костяковъ доходила отъ 2 арш. 3 верш. до 2 арш. $5^1/_2$ верш. У двухъ покойниковъ на туловищѣ лежали мѣдныя пряжки и подлѣ нихъ — ножи, судя по чему можно заключить, что это были мужскіе скелеты; кромѣ этого я нашелъ лишь незначительные предметы украшенія.

3. Вскрытіе могилъ въ Барабинской степи.

1 іюня 1866 г. у деревни Кызырь, въ 25 верстахъ отъ Убинскаго озера, встрѣтились нѣсколько могильниковъ, состоящихъ отъ 10 до 25 могильныхъ холмовъ. Самый большой изъ нихъ былъ высотою въ 1 арш. и имѣлъ 3 саж. въ діаметрѣ. На этихъ могильникахъ я работалъ 5 дней и приказалъ вскрыть въ трехъ различныхъ мѣстахъ 26 кургановъ. Здѣсь могильныя ямы были всюду отъ 1 до 2 арш. глубины. Работа была очень затруднительна, такъ какъ могильные холмы и верхняя часть могильной ямы состояли изъ земли твердой, какъ камень, такъ что пришлось разбивать ее ломами, но на 1 арш. ниже уровня почвы земля стала иловатой и вода наполнила въ короткое время могильную яму до половины. Несмотря на это, можно было съ точностью опредѣлить, что бо́льшая часть скелетовъ были обращены головою къ востоку; только два остова лежали головами къ западу. Около головы каждаго отдѣльнаго костяка находился желѣзный кельтъ, но на туловищѣ около рукъ лежали у мужчинъ мечи, стрѣлы, остатки украшеній лука, а у женщинъ—ножи. Кромѣ того, подлѣ всѣхъ скелетовъ оказались разныя украшенія изъ мѣди и желѣза. У женщинъ были около ушей стекляныя бусы, а на груди мѣдныя пряжки или пластинки. Около двухъ мужскихъ остововъ найдены остатки стремянъ и лошадиныя удила. Кости совершенно истлѣли и всѣ металлическіе предметы были такъ испорчены сыростью, что ихъ можно было вынуть изъ земли только раскрошенными. Длина мужскихъ костяковъ доходила отъ 2 арш. 3 верш. до 2 арш. $5^1/_2$ верш. Скелеты женщинъ не были длиннѣе 2 арш. 2 верш.; при большинствѣ остововъ я замѣтилъ спинные позвонки барановъ. Не всѣ костяки были покрыты березовой корой, нѣкоторые были только засыпаны землей. Около другихъ опять нашлись маленькіе куски древеснаго угля. Къ сожалѣнію я могу сообщить только такія незначительныя свѣдѣнія о могилахъ сѣвернаго желѣзнаго періода, потому что большинство могилъ этого періода, которыя я вскрылъ на сѣверѣ Алтая и въ Киргизской степи, уже прежде были разграблены. Это явленіе, особенно часто у могилъ, сколько-нибудь выдѣляющихся своею величиной. Что касается до вскрытыхъ мною совершенно незначительныхъ, маленькихъ могилъ этой мѣстности, то онѣ всѣ имѣли такое же устройство, какъ и выше описанныя могилы въ Барнаулѣ и въ Барабинской степи. Принадлежатъ ли эти могилы тому же народу, что и большая могила Кулунды, которую я прежде описалъ, утверждать не могу.

Устройство послѣдней имѣетъ сходство съ устройствомъ насыпныхъ могилъ сѣвернаго Алтая; напротивъ того, остальныя могилы могли точно также быть сооруженными другими народами, можетъ быть, потомками енисейцевъ бронзоваго вѣка. Во всякомъ случаѣ, оружіе встрѣчается въ нихъ рѣже, чѣмъ въ южныхъ могилахъ.

Перейдемъ теперь къ могиламъ позднѣйшаго желѣзнаго періода, которыя опять-таки представляютъ совершенно опредѣленное, весьма характерное устройство.

Могилы новѣйшей эпохи желѣзнаго вѣка на Абаканѣ.

Къ могиламъ этой эпохи я отношу всѣ маленькія насыпныя могилы, находящіяся въ могильникахъ среднихъ горъ Абаканской степи и которыя народное преданіе называетъ киргизкими могилами.

Эти могильныя насыпи имѣютъ большею частью только $1^1/_2$ саж. въ діаметрѣ и лежатъ, плотно примыкая одна къ другой, группами отъ 60 до 80 могилъ въ каждой. Можно ясно различить, что маленькіе могильные холмы бо́льшею частью расположены попарно, причемъ одинъ изъ этихъ холмовъ постоянно круглый, а другой овальной формы. Я замѣтилъ такого рода могильники только на среднемъ Абаканѣ; туземцы увѣряютъ однако, что они встрѣчаются повсюду на береговыхъ горахъ Абакана и Енисея въ великомъ множествѣ. Малая величина этихъ могилъ, незначительное количество находимыхъ въ нихъ благородныхъ металловъ, значительное отдаленіе отъ рѣки и скрытое ихъ положеніе служатъ причиной того, что мѣстные жители мало обращали на нихъ вниманія, и что самая лишь незначительная часть такихъ могилъ носитъ слѣды прежняго вскрытія. Между Койбалами, какъ сообщилъ мнѣ одинъ изъ моихъ провожатыхъ, распространенъ взглядъ, что это поля битвъ дикихъ киргизовъ, которые похоронили здѣсь своихъ мертвыхъ; но изслѣдованіе большого числа этихъ могилъ нагляднѣйшимъ образомъ доказало, что всѣ эти разсказы ни на чемъ не основаны, потому что здѣсь всюду найдены скелеты мужчинъ, женщинъ и дѣтей, и повсюду трупы были похоронены въ величайшемъ порядкѣ, чего, очевидно, не могло бы быть, еслибъ эти могилы насыпаны были послѣ сраженія. Я занялся изслѣдованіемъ многихъ подобныхъ киргизскихъ могилъ въ 7 верстахъ отъ устьевъ Аскыса.

Расположеніе раскопанныхъ мною могилъ было слѣдующее: между первыми грядами пограничныхъ горныхъ отроговъ, на высотѣ 100 футовъ надъ степью и на разстояніи около 50 шаговъ одинъ отъ другого, находились два могильника. Западное кладбище состояло, приблизительно,

изъ 80 кургановъ, тогда какъ восточное заключало въ себѣ не болѣе 30. Я началъ съ изслѣдованія западнаго могильника и вскрылъ навѣрно половину находившихся тамъ холмовъ, причемъ выбиралъ такіе, которые не обнаруживали слѣдовъ прежняго вскрытія. При изслѣдованіи этихъ могилъ оказалось, что постоянно два холма образовали одну могилу. По удаленіи камней продолговатаго холма обнаруживался слой валуновъ или рыхлой земли, около $^1/_2$ арш. толщиною, подъ которымъ находились скелеты, не глубже, чѣмъ на 1 арш. ниже уровня земли. Незначительная глубина могильныхъ ямъ, казалось, находилась въ зависимости отъ качества грунта, который былъ такъ твердъ, что мои рабочіе только топорами или ломами могли разбивать его. Пластъ глины, въ которомъ лежали кости, былъ такъ твердъ, что я принужденъ былъ выкапывать каждую отдѣльную кость острымъ ножомъ; благодаря этому, только въ нѣкоторыхъ могилахъ мнѣ удалось точно опредѣлить положеніе скелета. Всѣ остовы лежали на спинѣ, по направленію съ востока на западъ, головою къ западу. Голова немного согнута на бокъ и руки прижаты къ туловищу, причемъ большіе пальцы направлены кверху. Нигдѣ около этихъ костяковъ не нашлось остатковъ платья или утвари; только около ногъ можно было всегда замѣтить остатки дерева, можетъ быть представляющіе дощечку, о которую опирались ноги покойника.

Второй, круглый могильный холмъ не заключалъ скелета, но зато прикрывалъ посуду и оружіе, положенные въ могилу покойнику. По удаленіи камней этого могильнаго холма нужно было еще выкопать $^1/_2$ арш. твердой глины и на этой глубинѣ находился глиняный сосудъ съ узкой шейкой, вышиною въ $^1/_2$ арш., прикрытый гладкимъ камнемъ. Подобные глиняные сосуды всегда пусты; они заключали, вѣроятно, напитокъ, данный покойнику съ собой въ могилу. По вынутіи глинянаго сосуда оказывался слой отчасти жженыхъ, отчасти нетронутыхъ костей животныхъ, большею частью барановъ, рѣже — лошадей и рогатаго скота. Между этими костями находимы были многіе желѣзные предметы, какъ, напр., топоры, кельты, ножи, острія стрѣлъ, стремена, уздечки. Могильные холмы, заключавшіе въ себѣ такіе предметы, находились то къ востоку, то къ западу отъ холма, заключавшаго скелетъ.

Во всѣхъ могилахъ западнаго могильника я встрѣтилъ исключительно только предметы, выдѣланные изъ желѣза и при этомъ только такіе, которые очевидно служили оружіемъ или орудіями, употреблявшимися мужчинами. Иначе было въ восточномъ могильникѣ, который я вслѣдъ затѣмъ изслѣдовалъ.

Здѣсь я тщетно искалъ нетронутыхъ могильныхъ холмовъ: всѣ холмы были раскопаны, хотя мною вскрыто ихъ болѣе тридцати. Несмотря на это, можно было ясно различить, что и здѣсь каждая могила состояла изъ двухъ холмовъ, изъ которыхъ одинъ заключалъ въ себѣ только скелетъ взрослаго или ребенка, безъ всякихъ предметовъ; другой же заключалъ могильную яму съ предметами, положенными для покойника. Тогда какъ въ первомъ могильникѣ встрѣчались исключительно желѣзное оружіе или орудія, въ восточномъ могильникѣ я нашелъ лишь остатки украшеній, сдѣланныхъ изъ мѣди, серебра и золота; изъ нихъ оказались вполнѣ хорошо сохранившимися: 1) очень изящная золотая серьга (по отдѣлкѣ нѣсколько схожая съ прекрасными золотыми украшеніями, изображенными на рисункахъ Витцена); 2) двѣ серебряныя серьги; 3) многочисленныя тонкія серебряныя пластинки выдавленной работы, которыми, очевидно, покрытъ былъ мѣдный или деревянный предметъ. Нигдѣ не встрѣтилось слѣдовъ тѣхъ высокихъ, прекрасно сдѣланныхъ глиняныхъ вазъ, которыя попадались въ западномъ могильникѣ; вмѣсто нихъ, во всѣхъ могильныхъ ямахъ оказались черепки маленькихъ некрасивыхъ горшковъ, большею частью выдѣланныхъ просто руками. Кромѣ того, во всѣхъ могильныхъ ямахъ, гдѣ оказались какіе-нибудь предметы, находились кости животныхъ, по большей части барановъ.

Изслѣдованія этихъ могилъ ясно показываютъ, что народы болѣе ранняго желѣзнаго періода хоронили мужчинъ и женщинъ въ различныхъ мѣстахъ. Маленькія дѣти, повидимому, хоронились вмѣстѣ съ женщинами, мальчики же постарше, напротивъ, съ мужчинами. Я нашелъ между могилами, гдѣ были похоронены мужчины, два скелета мальчиковъ, никакъ не старше 12—14 лѣтъ. Мужчинамъ клались въ могилу только оружіе и орудія изъ желѣза; кромѣ того, говядина, предназначавшаяся въ пищу во время пути, и большой сосудъ съ водкой. Вмѣстѣ съ женщинами хоронились ихъ украшенія и, кромѣ того, горшки съ мясомъ.

Если сравнить устройство этихъ могилъ новѣйшаго желѣзнаго періода на Абаканѣ съ могилами древнѣйшаго періода на южномъ Алтаѣ, то несмотря на большое различіе, можно найти и сходные признаки. Тогда какъ въ могилахъ древнѣйшаго періода лошадь и человѣкъ хоронились хотя и въ одной могилѣ, но въ различныхъ частяхъ ея, мы здѣсь встрѣтили полное раздѣленіе могилы на двѣ части, которое, однако, легко могло постепенно развиться изъ прежняго способа погребенія.

Прежде нежели перейти къ описанію степени культурности народовъ желѣзнаго періода, я здѣсь укажу еще устройство могилъ позднѣйшаго желѣзнаго періода.

Къ сѣверу отъ города Маріинска, на берегу верховьевъ Кыи и рѣчки между Кыей и Чолымомъ я напалъ на земляные могильные холмы, которые большею частью расположены были тѣсными группами по берегу рѣки. Эти незначительные холмы обнаруживали во многихъ мѣстахъ слѣды прежнихъ раскопокъ, въ особенности вблизи русскихъ селеній, но, однако, никто изъ поселенцевъ не помнилъ, чтобы здѣсь производились раскопки. Только въ двухъ мѣстахъ на моемъ пути въ Чердатъ эти могилы казались нетронутыми, и поэтому я предпринялъ раскопки лишь въ этихъ мѣстахъ. Могильники здѣсь такъ часты, что повидимому, народъ, оставившій послѣ себя эти надгробные памятники, прожилъ въ этой мѣстности долгое время. Многіе изъ могильныхъ холмовъ, находятся теперь въ густомъ лѣсу, и кое-гдѣ на нихъ выросли сосны.

Положеніе и устройство этихъ могилъ слѣдующее: на берегу рѣки, обыкновенно на болѣе высокихъ мѣстахъ или на окраинѣ заросшихъ лѣсомъ склоновъ, расположены кладбища, состоящіе изъ 10—40 холмовъ, занимающіе часто площадь длиною въ 100 — 200 шаговъ. Холмы бо́льшею частью имѣютъ отъ 1 до 3 арш. высоты и отъ 3 до 6 арш. въ діаметрѣ. Форма ихъ совершенно закругленная, какъ форма сегментовъ шара и они лежатъ такъ близко одинъ отъ другого, что края ихъ часто соприкасаются. Я предпринялъ изслѣдованіе этихъ могильныхъ холмовъ на Улу-Кіелѣ, около 60 верстъ отъ Маріинска и на рѣкѣ Чердатѣ. Такъ какъ холмы эти исключительно земляные, то производить раскопки было не трудно; въ короткое время мнѣ удалось вскрыть большое количество могильныхъ холмовъ и такимъ образомъ представить себѣ ясную картину ихъ устройства.

Скелеты были здѣсь положены на землю, головами къ востоку, а ногами къ западу, руки были плотно прижаты къ туловищу, и большіе пальцы обращены кверху. Обыкновенно верхняя часть тѣла и въ особенности руки были прикрыты слоемъ березовой коры. У головы или у ногъ покойника поставлены были то котелъ изъ желѣза или листовой мѣди, то глиняный сосудъ. Затѣмъ на трупъ клались продольно доски, толщиною въ 2—3 вершка, послѣ чего покойника засыпали землею, которая вплоть около трупа утаптывалась какъ можно тверже. Этотъ способъ погребенія вполнѣ, слѣдовательно, соотвѣтствуетъ устройству могилъ желѣзнаго періода въ сѣверной степи, съ тою только

разницею, что тамъ покойника клали не прямо на грунтовую землю, а на дно могильной ямы.

На Чердатѣ встрѣтились нѣсколько могильныхъ холмовъ, заключавшихъ въ себѣ по нѣскольку скелетовъ. Въ одномъ изъ холмовъ лежали два остова, одинъ на другомъ, раздѣленные только слоемъ березовой коры. Нижній скелетъ положенъ, какъ обыкновенно, головою къ востоку, а верхній какъ разъ наоборотъ, головою къ западу. Нижній костякъ, судя по бывшимъ около него предметамъ, былъ скелетомъ мужчины, а верхній — женщины. Въ другомъ могильномъ холмѣ положены три остова. Нижній лежалъ опять головою къ востоку, а верхніе, раздѣленные слоемъ земли въ 4—5 вершк. толщиною, — одинъ головою на сѣверъ, а другой на юго-западъ. Скелеты всѣ были средней величины, женскіе отъ 2 арш. до 2 арш. 3 вершк., мужскіе не длиннѣе 2 арш. 6 вершк. Всѣ остовы были похоронены вмѣстѣ съ платьями и украшеніями; подлѣ нихъ лежали оружіе и инструменты. О древности этихъ могильныхъ холмовъ, которые никакимъ образомъ не могутъ принадлежать предкамъ нынѣ живущихъ въ этой мѣстности куярыкъ-татаръ, можно судить по древнимъ русскимъ мѣднымъ монетамъ, найденнымъ въ одной могилѣ и относящимся къ первой половинѣ XVII столѣтія.

Если мы сравнимъ устройство могилъ желѣзнаго періода съ описываемыми китайцами погребальными церемоніями Уйгуровъ, Тукіу и Хакасовъ, то мы увидимъ только нѣкоторое сходство съ описаніемъ погребенія у Уйгуровъ. Здѣсь говорится: „мертвыхъ хоронятъ они въ вырытыхъ могилахъ“. Если китайцы и разсказываютъ, что мертвые хоронятся въ стоячемъ положеніи а вокругъ нихъ кладется все ихъ оружіе, какъ будто бы они были живы, то первое, вѣроятно, ошибочно, и эта ошибка произошла вслѣдствіе разсказовъ, что Уйгуры хоронили вмѣстѣ съ покойникомъ все то оружіе и ту утварь, которыя онъ употреблялъ при жизни; повѣствователь, вѣроятно, прибавилъ по ошибкѣ, что покойникамъ придавали и положеніе живого человѣка. Описаніе похоронныхъ торжествъ Тукіу заключаетъ навѣрное также многія ложныя данныя. Ложно во всякомъ случаѣ то, что говорится о сожиганіи труповъ, потому что я никогда не слыхалъ, чтобы на Алтаѣ, въ Киргизской степи и въ округѣ Енисея найдены были погребальныя урны съ сожженными человѣческими костями. Напротивъ того,—описанія обильныхъ жертвоприношеній животныхъ во время погребенія правдивы; я вспоминаю, что въ одной могилѣ мы нашли 16 лошадей. Точно также справедливо, что вещи, принадлежавшія покойнику, кла-

лись въ шатеръ (?) вмѣстѣ съ трупомъ. Показаніе, что тѣ люди, которые умирали весною и лѣтомъ, хоронились только тогда, когда листья на деревьяхъ желтѣли и опадали, а умершіе осенью и зимою хоронились весною, когда листья и цвѣты начинали распускаться, дозволяетъ предположить двойную похоронную церемонію, что отчасти разъясняетъ устройство двойныхъ могилъ древнѣйшаго желѣзнаго періода въ южномъ Алтаѣ. Если это мое предположеніе вѣрно, то покойника хоронили тотчасъ же послѣ смерти, и тогда насыпалась половина могилы. Нѣсколько же мѣсяцевъ позднѣе, можетъ быть при случаѣ весенняго или осенняго празднествъ, происходило большое жертвоприношеніе и погребеніе множества верховыхъ животныхъ. Если въ одномъ китайскомъ описаніи говорится: „на мѣстахъ погребенія они ставятъ изображенія мертвыхъ и на этихъ каменныхъ изображеніяхъ обозначаютъ всѣ сраженія, въ которыхъ покойникъ участвовалъ при жизни; когда онъ убилъ только одного человѣка, то они ставятъ только одинъ камень; на нѣкоторыхъ могилахъ стоятъ до 100 и болѣе камней“ — то это просто ошибка, происшедшая вслѣдствіе разсказовъ путешественниковъ о надгробныхъ памятникахъ; могильные камни принадлежатъ къ гораздо болѣе раннему періоду. Такія перестановки фактовъ мы встрѣчаемъ часто. Я напомню сообщеніе Рубруквиса въ 1259 году, который, отправляясь къ Менги-Хану, на своемъ пути встрѣтилъ въ южной Россіи надгробные памятники и приписалъ ихъ Куманамъ, тогдашнимъ обитателямъ этихъ мѣстностей. Онъ говоритъ такъ: „Куманы сооружаютъ большой могильный холмъ надъ мертвыми и ставятъ на немъ статую, обращенную лицомъ къ востоку и держащую въ рукѣ передъ животомъ сосудъ“. Каменныя бабы, которыя онъ тутъ очевидно описываетъ, принадлежатъ къ періоду, на многія столѣтія предшествовавшему переселенію въ Европу тюркскихъ народовъ.

Очень темны свѣдѣнія китайцевъ о погребеніи умершихъ у древнихъ Хакасовъ: „при погребеніи они не царапаютъ себѣ лица (какъ Тукіу), но обвертываютъ трупъ три раза и плачутъ. Затѣмъ они его сожигаютъ и хоронятъ кости черезъ годъ. Позднѣе они справляютъ въ опредѣленное время похоронныя торжества“. Что должны означать слова: „они обвертываютъ трупъ три раза и хоронятъ кости черезъ годъ?“ Я думаю, что описаніе обряда слѣдуетъ понимать такъ: трупы сначала хоронились безъ всякихъ предметовъ украшенія и при этомъ въ честь душъ умершихъ сожигались извѣстныя части жертвеннаго животнаго (это доказываютъ сожженныя кости барана, найденныя около труповъ въ могилахъ новѣйшаго желѣзнаго періода на Абаканѣ). За-

тѣмъ, черезъ годъ, происходило жертвенное пиршество, во время котораго зарывали въ землю утварь покойника и насыпали надъ нимъ могильный холмъ.

У насъ имѣются такія богатыя коллекціи древностей желѣзнаго вѣка южной Сибири, что не трудно составить себѣ довольно точное понятіе объ исторіи развитія культуры описываемаго народа. Особенно интересны мои изслѣдованія большихъ насыпныхъ могилъ на Катандѣ и Бухтармѣ, такъ какъ эти послѣднія принадлежатъ къ древнѣйшему періоду желѣзнаго вѣка. Я нашелъ здѣсь подлѣ желѣзныхъ ножей и оружія, которые по формѣ относятся къ позднѣйшему желѣзному періоду, мечъ, кинжалъ и ножъ, которые по формѣ были совершенно сходны съ предметами древнѣйшаго бронзоваго періода, а именно рукоятка и клинокъ сдѣланы были изъ одного куска. У кинжала кольцо на оконечности рукоятки представляло даже плетеніе двухъ змѣиныхъ головокъ. Послѣдній фактъ заставляетъ меня предположить, что могилы, заключавшія въ себѣ это оружіе, сооружены были въ то время, когда далѣе къ сѣверу на Алтаѣ происходилъ переходъ отъ бронзовой культуры къ желѣзной культурѣ; но такъ какъ мы видѣли при описаніи могилы на Катандѣ, что устройство насыпныхъ каменныхъ могилъ вполнѣ отличается отъ устройства могилъ бронзоваго періода то мы вправѣ предположить, что народъ, который оставилъ послѣ себѣ насыпныя могилы, въ эпоху начала желѣзнаго періода передвинулся съ юга въ южный Алтай. До середины Иртыша этотъ народъ, кажется, не дошелъ, такъ какъ уже подлѣ Усть-Каменогорска и въ Кокбекты я нигдѣ не находилъ насыпанныхъ изъ камней могилъ. Такъ какъ эти новые пришельцы, очевидно, были чисто кочующимъ народомъ, занимавшимся только скотоводствомъ (что доказывается множествомъ лошадей, похороненныхъ въ большихъ могилахъ), то мы можемъ предположить, что они пріобрѣтали свои металлическіе товары съ сѣвера отъ побѣжденнаго ими народа бронзоваго періода.

Древнія вещи желѣзнаго періода, сдѣланныя изъ металла, доказываютъ намъ, что народы этого періода съ самаго начала знакомы были съ мѣдью, желѣзомъ, золотомъ и серебромъ. Что эти металлы добыты и обработаны были на самомъ Алтаѣ, не подлежитъ никакому сомнѣнію; мѣдь и золото уже въ теченіе многихъ вѣковъ добывались и обработывались на Алтаѣ; желѣзо же и серебро въ первое время желѣзнаго вѣка ввозились, вѣроятно, путемъ торговли, но позднѣе они во всякомъ случаѣ добывались на Алтаѣ, какъ доказываютъ обнару-

женныя во многихъ мѣстахъ слѣды начатыхъ работъ въ серебряныхъ копяхъ и встрѣченные мною кое-гдѣ желѣзные шлаки.

Что касается обработки золота въ древнѣйшій желѣзный періодъ, то она производилась совершенно своеобразно. А именно, золото раскатывалось на тонкіе листы, и этими тонкими золотыми пластинками покрывались различныя украшенія и пуговицы. Я нашелъ большое количество такихъ золотыхъ пластинокъ на Катандѣ и на Берелѣ. Ими были покрыты рукоятки желѣзныхъ ножей и кинжаловъ, которые, по формѣ, принадлежали къ древнѣйшему времени: доказательство, что тогда еще не умѣли золотить и серебрить желѣзо. Деревянныя и мѣдныя пуговицы также покрывались золотыми листиками; тонкія золотыя пластинки прикрѣплялись также на бортахъ и кожаныхъ обшивкахъ платья, равно какъ и вырѣзанныя изъ золотыхъ пластинокъ изображенія звѣрей—тигра, кошекъ, змѣй, а также и людей, всадниковъ; арабески, вырѣзанныя изъ березовой коры, тоже покрывались такими золотыми листами. Какъ показываютъ маленькія дырки по краямъ нѣкоторыхъ этихъ пластинокъ, онѣ пришивались нитками къ вышеназваннымъ предметамъ. Отъ позднѣйшаго времени желѣзнаго періода остались очень изящныя золотыя издѣлія, напримѣръ найденная мною на Абаканѣ золотая серьга и изображенные Витценомъ найденные въ западной Сибири золотые предметы. Отъ позднѣйшаго періода остались также обдѣланныя въ золото желѣзныя оправы на возжахъ и сѣдлахъ.

Серебро употреблялось сначала для украшенія ремней и сѣделъ, затѣмъ для колецъ и серегъ изъ серебряной проволоки для болѣе бѣдныхъ людей. Въ позднѣйшее время имъ также покрывалось желѣзо. Кромѣ того, съ самаго начала изготовлялись серебряные сосуды различной формы, часто выработанные съ большимъ вкусомъ и украшенные изящной гравировкой.

Желѣзо пріобрѣло съ самаго начала большое значеніе и при изготовкѣ инструментовъ и оружія, требующихъ большой крѣпости, совершенно вытѣснило мѣдь и бронзу. Какъ я уже упомянулъ выше, желѣзные ножи и кинжалы, точно также какъ и мѣдные, выковывались сначала цѣликомъ изъ желѣза, но позднѣе поняли, что такая обработка желѣза, при большой крѣпости этого металла, была безполезна, почему стали выковывать клинки съ тонкими остріями, которыя затѣмъ вправлялись въ деревянныя и костяныя ручки. Желѣзныя издѣлія древнѣйшаго періода, большею частью, такъ пострадали отъ сырости почвы, что мы не въ состояніи опредѣлить ни умѣнья ковать, ни степени изящества формъ, ни качества стали. Изъ ножей и наконечниковъ стрѣлъ новѣйшаго желѣзнаго

періода нѣкоторые прекрасно сохранились; отличная ихъ работа и качество стали приводятъ насъ въ изумленіе. Эти оружія были цѣликомъ выдѣланы изъ стали и обладали большой крѣпостью. Мнѣ пришлось видѣть много крайне изящно и со вкусомъ сдѣланныхъ наконечниковъ стрѣлъ. Особенно много желѣзныхъ орудій было найдено на поляхъ на Енисеѣ. Русскіе жители увѣряли, что эти предметы для нихъ совершенно безполезны, такъ какъ русскіе кузнецы не могли ихъ передѣлать; хотя это оружіе и ножи и очень тверды, но какъ только ихъ положатъ въ печь, желѣзо становится мягкимъ и ломкимъ и никакъ не поддается обработкѣ.

Г. Струве любезно изслѣдовалъ также нѣсколько желѣзныхъ ножей и стрѣлъ древнѣйшаго и новѣйшаго желѣзнаго періода. Результатъ его химическаго анализа слѣдующій: „всѣ желѣзные предметы сдѣланы изъ чистаго желѣза, безъ примѣси постороннихъ металловъ. Конечно, они всѣ содержатъ небольшое количество угля и кремня. Чтобы опредѣлить чистоту этого сорта желѣза еще количественнымъ анализомъ, одинъ ножъ древнѣйшаго періода былъ подвергнутъ анализу, и оказалось, что на 100 частей приходилось 99,43 части желѣза, слѣдовательно, здѣсь оказалось превосходное полосовое желѣзо, которое легко поддавалось ковкѣ“. Ни одинъ изъ очень твердыхъ предметовъ новѣйшаго желѣзнаго періода, къ сожалѣнію, не былъ подвергнутъ г. Струве количественному анализу, а къ этимъ предметамъ и относятся преимущественно показанія русскихъ крестьянъ.

Изъ желѣзныхъ предметовъ этого періода мнѣ пришлось видѣть: 1) лошадиную сбрую и приборъ для верховой ѣзды: уздечки (въ древнѣйшій періодъ большею частью съ бо́льшими и мѐньшими боковыми кольцами, въ новѣйшій періодъ съ кольцами и отростками длиною отъ $2^1/_2$ до 3 вершковъ, самыхъ разнообразныхъ формъ, въ большинствѣ случаевъ очень хорошей и изящной работы); круглыя и четыреугольныя пластинки для украшенія нагрудника и ремней для хвоста (въ позднѣйшее время обложенныя серебромъ и золотомъ); заклепки и кольца отъ задней части сѣдла для прикрѣпленія ремня (по-татарски—канчуга); стремена (большею частью съ очень широкими подножками и круглыми штангами. Верхняя петля, черезъ которую протягивается ремень, обыкновенно очень широка. Подножка часто прорѣзной работы. Одно только изъ найденныхъ мною стремянъ оказалось обложеннымъ серебромъ). 2) Рабочіе инструменты: кельты (которые отличаются отъ кельтовъ мѣднаго періода, главнымъ образомъ, тѣмъ, что задняя часть кельта открыта), лопаты, рѣзцы, буравы, топоры и инструменты для

спайки (вообще эти орудія встрѣчаются въ могилахъ лишь изрѣдка; они найдены только въ одной могилѣ на Абаканѣ; чаще въ могилахъ на Барабѣ и подлѣ Барнаула). 3) Острыя орудія и оружіе: ножи (почти во всѣхъ могилахъ, самой разнообразной величины. Въ могилахъ древняго періода я нашелъ много ножей въ деревянныхъ ножнахъ; можетъ быть, они были китайской работы, такъ какъ китайцы еще теперь изготовляютъ подобные футляры съ нѣсколькими ножами. Ножи новѣйшаго періода имѣютъ прямую спинку и отчасти похожи на ножи сартовъ); кинжалы (очень рѣдко, только въ одной могилѣ древняго желѣзнаго періода); мечи (встрѣчаются очень часто, почти всегда болѣе аршина длиной, съ узкими клинками, почти прямые, объ одно лезвее; остріе нѣсколько согнуто назадъ; рукоятка меча изъ желѣза или мѣди, по большей части изображающая розетку; только въ одной болѣе древней могилѣ на Берелѣ я нашелъ болѣе длинный, широкій мечъ съ желѣзною рукояткой, а вмѣсто головки, съ большимъ кольцомъ); острія копій (вообще рѣдки; по бо́льшей части эти острія длинны; нѣкоторыя сдѣланы очень искусно); острія стрѣлъ (самыхъ разнообразныхъ формъ и величинъ: шиловидныя, ланцетовидныя, листовидныя, треугольныя, спереди переходящія въ остріе, шириною отъ $^1/_4$ до $2^1/_2$ дюймовъ. Особенно характеристичны трехгранныя стрѣлы, найденныя на Абаканѣ—страшное оружіе). 4) Панцыри (встрѣчаются чрезвычайно рѣдко, состоятъ изъ искусно выкованныхъ прямоугольниковъ, которые нашиты на матерію или кожу (нижнее платье). 5) Огниво. 6) Сельскохозяйственные инструменты: серпы и плуги (изъ послѣднихъ я нашелъ одинъ на Абаканѣ, который совершенно походилъ на плуги сартовъ). 7) Предметы украшенія: пряжки разной величины, застежки и украшенія для поясовъ, аграфы.

Такимъ образомъ, желѣзо значительно вытѣснило изъ употребленія мѣдь и бронзу, такъ что какъ одна, такъ и другая, стали употребляться только при изготовленіи сосудовъ, для оправы и украшеній. Изъ мѣди и бронзы приготовлялись преимущественно оправы ремней для упряжи и поясовъ, затѣмъ поясныя пряжки и приборы, аграфы, серьги, кольца, оправы для бусъ, бубенчики, браслеты, ожерелья, маленькія статуэтки. Описывать различныя формы было бы слишкомъ долго; я удовольствуюсь нѣсколькими рисунками. Эти предметы иногда сдѣланы грубо, иногда же снабжены очень тонкими и полными вкуса украшеніями. Особенно хорошо сдѣланы нѣкоторыя большія поясныя пряжки. Для болѣе грубыхъ работъ пользовались обыкновенно чистой мѣдью, а для болѣе тонкихъ употребляли желтоватый сплавъ, который состоялъ изъ мѣди съ

сильной примѣсью олова и свинца (20%, какъ показываетъ анализъ Гёбеля), такъ какъ такой сплавъ легче растапливался, а былъ болѣе удобенъ для обработки. Замѣчательный сплавъ представляетъ бронза нѣкоторыхъ украшеній новѣйшаго желѣзнаго періода на Абаканѣ, а именно: 89,70% мѣди, 0,63% олова и 9,10% желѣза. Эта бронза была очень тверда и ломка; изломъ мелко-зернистый, сѣраго цвѣта; такого рода бронзу, по словамъ Струве, приготовлять очень трудно и она встрѣчается рѣдко. Кромѣ бронзы, для приготовленія предметовъ украшенія, употреблялся еще бѣловатый металлъ, составъ котораго мнѣ неизвѣстенъ. Я самъ находилъ подобныя украшенія на Енисеѣ, а въ Императорскомъ Эрмитажѣ находится богатая коллекція древностей изъ подобнаго металла, найденныхъ на Алтаѣ. Зеркала желѣзнаго періода встрѣчаются повсюду съ разнообразными украшеніями. Они отлиты изъ различныхъ металлическихъ сплавовъ, бо́льшею частью бѣловатаго или сѣрожелтаго цвѣта. Зеркала съ весьма изящно украшенными спинками найдены были Мессершмидтомъ. Особенно хорошо одно изъ нихъ, съ котораго снятъ Мессершмидтомъ рисунокъ; оно сдѣлано изъ стали (?) и снабжено богатой орнаментикой. Всѣ зеркала, которыя я самъ находилъ или видѣлъ, имѣютъ въ центрѣ задней части ушко для прикрѣпленія ремня. Палласъ приводитъ выше рисунки двухъ зеркалъ съ рукоятками. Рисунки оборотныхъ сторонъ этихъ зеркалъ, какъ мнѣ кажется, ясно указываютъ на ихъ китайское происхожденіе.

Кромѣ здѣсь перечисленныхъ предметовъ, сдѣланныхъ изъ металла, мы находимъ почти во всѣхъ могилахъ древняго желѣзнаго вѣка украшенія, вырѣзанныя изъ кости или дерева. Особенно часто встрѣчаются костяныя поясныя пряжки съ костяными или желѣзными язычками. Многія изъ такихъ украшеній также находятся въ Эрмитажѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ въ высшей степени тонко и тщательно вырѣзаны и украшены рельефными арабесками. На костяныхъ или деревянныхъ пластинкахъ очень часто вырѣзаны изображенія звѣрей, которыя отличаются отъ такихъ же изображеній бронзоваго періода тѣмъ, что это не копіи съ настоящихъ формъ животныхъ, а различныя изображенія фантастическихъ чудовищъ: лошади съ птичьими головами, птицы съ головами тигровъ, тигры съ хвостами, на концѣ которыхъ изображены змѣиныя или птичьи головки, лоси или олени, у которыхъ на рогахъ находятся птичьи головы, а морды оканчиваются птичьимъ клювомъ и т. п. Это, очевидно, изображеніе миѳическихъ звѣрей, можетъ быть, животныхъ-идоловъ. Къ послѣднему предположенію меня склоняетъ въ особенности тотъ фактъ, что, какъ я уже выше упомянулъ, въ большой

могилѣ на Катандѣ въ слоѣ березовой коры, около $1^1/_2$ арш. надъ скелетами были найдены завернутыя въ платье разнообразныя рѣзныя издѣлія изъ дерева, которыя, очевидно, служили не украшеніемъ, но имѣли религіозное значеніе. Тамъ было много нашитыхъ на шелковую ленту вырѣзанныхъ изъ дерева статуэтокъ лошадей, натуральныхъ формъ; копыта ихъ были украшены золотыми пластинками. У одной изъ лошадей была птичья голова съ сильно изогнутымъ клювомъ. Затѣмъ нѣчто вродѣ чаши, на днѣ которой были изображены два сплетенные между собою вытянувшіеся тигра съ хвостами, снабженными птичьими головами, и фантастическій лось исполинской величины, противъ котораго изображенъ былъ естественный медвѣдь.

Кромѣ изображеній фантастическихъ животныхъ, орнаментика желѣзнаго вѣка отличается еще въ особенности употребленіемъ арабесокъ и изогнутыхъ линій, заимствованныхъ, очевидно, у растеній, тогда какъ мнѣ неизвѣстенъ ни одинъ предметъ бронзоваго вѣка, который имѣлъ бы подобнаго рода украшенія. Во всѣхъ могилахъ желѣзнаго вѣка мы находимъ глиняные сосуды, но и эти уже въ древнѣйшій періодъ рѣзко отличаются отъ глиняныхъ издѣлій бронзоваго вѣка. Въ южномъ Алтаѣ и на Бухтармѣ находятся въ могилахъ древнѣйшаго періода желѣзнаго вѣка очень хорошо обожженные глиняные сосуды, которые отличной обработкой самой глины и искусствомъ обжиганія далеко превосходятъ грубыя глиняныя издѣлія бронзоваго вѣка. Но еще гораздо бо̀льшій шагъ впередъ въ выдѣлываніи глиняной посуды обнаруживаютъ могильныя урны новѣйшаго періода желѣзнаго вѣка на Абаканѣ. Форма ихъ по бо̀льшей части исполнена со вкусомъ; онѣ сдѣланы изъ прекрасно обработанной и хорошо промытой сѣро-синей глины, и такъ хорошо обожжены, что при ударѣ издаютъ чистый, почти металлическій звонъ. Народы новѣйшаго желѣзнаго періода должны были обладать хорошими печами для обжиганія сосудовъ, потому что стѣнки сосудовъ, толщиною часто въ 3—4 линіи, всѣ, безъ исключенія, равномѣрно обожжены, тогда какъ сосуды съ болѣе тонкими стѣнками древнѣйшаго желѣзнаго періода на поверхности обожжены сильнѣе, чѣмъ въ серединѣ. Глазированныхъ сосудовъ я не встрѣтилъ въ могилахъ желѣзнаго вѣка ни на Енисеѣ, ни въ южномъ Алтаѣ, но на Алтаѣ я нашелъ бусы изъ стекла и глины, которыя были покрыты искусственною глазурью. Я полагаю, что эти глазированныя издѣлія не были изготовлены на Алтаѣ, но привезены съ юга торговцами.

Означенныя здѣсь древности позволяютъ намъ составить довольно ясное понятіе о жизни и занятіяхъ народовъ древняго желѣзнаго пе-

ріода на Алтаѣ и въ восточной Киргизской степи. Мы имѣемъ, очевидно, здѣсь дѣло съ чисто кочующимъ народомъ, какъ описываютъ намъ китайцы Тукіу, Хакасовъ и Уйгуровъ. Большое количество разнообразнаго оружія, каковы мечи, копья, кинжалы, стрѣлы и т. д., которое встрѣчается во всѣхъ могилахъ этой эпохи, указываетъ намъ нагляднѣйшимъ образомъ, не на миролюбивый, промышленный народъ, какимъ, очевидно, былъ народъ бронзоваго вѣка, но, наоборотъ, на народъ воинственный, который своими дикими набѣгами безпокоилъ всѣхъ своихъ сосѣдей и приводилъ ихъ въ ужасъ, т.-е. на народъ, съ которымъ были очень схожи описанные китайцами тюркскіе народы. Можно сравнить то, что китайцы говорятъ о Тукіу: „изъ оружія они имѣютъ луки изъ рога и свистящія стрѣлы, копья, сабли и мечи. Тукіу весьма ловко стрѣляютъ съ горы внизъ. Грабежи и набѣги они предпринимаютъ обыкновенно передъ полнолуніемъ“. О Хакасахъ, которые если и не были тюркскимъ народомъ, то все-таки очень рано перемѣшались съ тюрками и переняли тюркскіе нравы, китайцы говорятъ слѣдующее: „На войнѣ они употребляютъ луки и стрѣлы. Всадники прикрываютъ руки и ноги маленькими деревянными щитами. Они имѣютъ войско въ 80.000 человѣкъ, которое состоитъ подъ высшимъ начальствомъ трехъ полководцевъ. Мужчины выѣзжаютъ на войну верхомъ, вооруженные луками и копьями“. Предметы, найденные въ могилахъ желѣзнаго періода, подтверждаютъ эти указанія объ оружіи древнихъ тюркскихъ народовъ, такъ какъ въ древнихъ могилахъ на Берелѣ находятся даже остатки панцырныхъ пластинокъ. Древнія кольчуги, найденныя въ различныхъ мѣстностяхъ на Алтаѣ, очевидно, относятся не къ этому періоду, но гораздо позднѣе привезены изъ другихъ странъ, такъ какъ, по формѣ, онѣ совершенно схожи съ кольчугами, которыя изготовлялись въ южной части Азіи. Столь воинственный народъ, какъ Тюрки, навѣрно постоянно носили свое оружіе какъ украшеніе, и поэтому вовсе не удивительно, что оружіе, постоянно сопровождавшее мужчину, хоронилось вмѣстѣ съ покойникомъ, чтобы и за гробомъ оно могло ему служить охраной и защитой. Мечи древнихъ Тюрковъ были длиною до 1 арш. 8 вершк., съ однимъ лезвіемъ и немного согнутые. Копья представляли древко длиною въ нѣсколько аршинъ, на концѣ котораго прикрѣплено было, большей частью ланцетообразное, желѣзное остріе, т.-е. они имѣли такой же видъ, какъ „найзы“ нынѣшнихъ киргизъ-кайсаковъ. Стрѣлы и кинжалы этого періода я уже подробнѣе описалъ выше. Здѣсь слѣдуетъ еще замѣтить, что мечи, кинжалы и острія стрѣлъ встрѣчаются только въ могилахъ древнѣйшей эпохи же-

лѣзнаго вѣка, тогда какъ въ могилахъ новѣйшей эпохи на Абаканѣ изъ оружія находятся только острія стрѣлъ.

Отсюда можно заключить, что Тюрки послѣдней эпохи уже не представляли значительнаго народа, вооружавшаго большія войска противъ врага. Разнообразныя формы наконечниковъ стрѣлъ, описанныя мною выше, доказываютъ намъ, что древнія тюркскія племена употребляли это оружіе не только на войнѣ, но и на охотѣ. Нѣкоторыя наконечники до того малы, что они, очевидно, служили для охоты на маленькихъ звѣрей, какъ-то: бѣлокъ, горностаевъ, соболей, куницъ и лисицъ, шкуру которыхъ старались по возможности менѣе испортить. Для такой же цѣли могли служить также тупыя деревянныя и костяныя стрѣлы. Что эти звѣри дѣйствительно убивались, доказываютъ намъ найденныя въ могилахъ на Катандѣ платья и данныя китайскихъ хроникъ. Стрѣлы съ широкимъ разрѣзомъ служили, очевидно, для охоты на птицъ: гусей, утокъ и лебедей, а также глухарей и тетеревей, которыя въ большомъ количествѣ проводятъ лѣто на южномъ Алтаѣ, въ Саянскихъ горахъ и въ прилегающихъ степяхъ. Очень хорошее изображеніе охотничьихъ сценъ представляетъ серебряный кубокъ съ Енисея, извѣстный намъ по рисунку Мессершмидта. На немъ изображены нѣсколько всадниковъ, которые охотятся верхомъ. Одинъ стрѣляетъ въ птицу, пролетающую надъ его головой, второй держитъ на лѣвомъ кулакѣ охотничью птицу, три другихъ всадника стрѣляютъ въ различныхъ положеніяхъ въ убѣгающихъ отъ нихъ антилопъ, тогда какъ шестой всадникъ стрѣляетъ въ хищнаго звѣря, повидимому, преслѣдующаго его. Эти охотничьи картины пополняются еще рисунками на камнѣ на Іюсѣ, которыя сходны съ вышеписанными изображеніями бронзоваго періода, но отличаются отъ нихъ вѣрностью передачи и очевидно вырѣзаны на камнѣ съ помощью острыхъ желѣзныхъ инструментовъ. По характеру своему эти рисунки схожи съ рисунками вышеописаннаго серебрянаго кубка, такъ что мы можемъ приписать ихъ народамъ позднѣйшаго желѣзнаго вѣка на Енисеѣ. Наряду съ другими охотничьими сценами здѣсь представлены: охотники верхомъ, вооруженные лукомъ и стрѣлами, которые гонятся за козлами, оленями, лосями и лисицами. Одинъ изъ всадниковъ преслѣдуетъ описываемыхъ звѣрей и посылаетъ имъ съ лошади смертоносную стрѣлу, причемъ онъ, повидимому, стоитъ на стременахъ. Въ другомъ мѣстѣ представлена охота на хищныхъ звѣрей. Здѣсь мы видимъ тигровъ, рысей, волковъ и медвѣдей. Но на этихъ дикихъ звѣрей охотникъ не отваживается нападать, сидя на конѣ, такъ какъ въ такомъ положеніи онъ не можетъ стрѣлять навѣрняка, а каждая

не попавшая стрѣла можетъ стоить ему жизни; онъ сходитъ съ лошади, подкрадывается къ звѣрю на разстояніе выстрѣла, опускается на правое колѣно, упираетъ локоть лѣвой руки на лѣвое колѣно, натягиваетъ правой рукой тетиву до уровня плеча, а лѣвой рукой придерживаетъ лукъ и посылаетъ, такимъ образомъ, страшному врагу смертельную стрѣлу.

Особаго вниманія заслуживаетъ то, что во всѣхъ могилахъ древняго желѣзнаго періода находится большое количество лошадиныхъ скелетовъ. Такъ, мы нашли, какъ я уже замѣтилъ, 16 лошадиныхъ остововъ въ большой могилѣ Берельской степи; въ другихъ могилахъ по 8, 6 и 4 лошади, даже въ небольшихъ могилахъ на Катандѣ встрѣчалось по 2 и 3 лошади. Этотъ фактъ, также какъ и рисунки на камнѣ этого періода, на которыхъ никогда не бываютъ изображены пѣшіе люди, а исключительно всадники, доказываетъ намъ, что народы древняго желѣзнаго періода были несомнѣнно верховымъ народомъ; точно также и китайскія хроники съ древнѣйшихъ временъ изображаютъ намъ тюркскіе народы, какъ конныя племена. Это не должно насъ удивлять, такъ какъ всюду, гдѣ даже и въ позднѣйшее время выступаютъ Тюрки, они являются въ видѣ конныхъ ордъ, равнымъ образомъ, какъ и всѣ оставшіеся въ степяхъ западной Азіи Тюрки-киргизы, Кара-киргизы, Кара-калпаки и Туркмены до сихъ поръ остались настоящимъ коннымъ народомъ; даже и оттѣсненныя на югъ Сибири тюркскія племена не измѣнили этого образа жизни, что доказываютъ намъ какъ могилы новѣйшаго желѣзнаго періода на Абаканѣ, въ которыхъ повсюду находится лошадиная упряжь, такъ и образъ жизни и нравы алтайцевъ и качинцевъ. Само собою разумѣется, что конные народы снабжали своихъ покойниковъ принадлежностями верховой ѣзды и лошадиною упряжью для далекаго загробнаго путешествія.

Изъ древностей, найденныхъ въ могилахъ желѣзнаго вѣка, видно, что народы желѣзнаго вѣка искони были знакомы съ сѣдлами и стременами. Я самъ нашелъ пару стремянъ въ древней могилѣ на Бухтармѣ, а въ большой могилѣ на Катандѣ встрѣтились между вышеописанными статуэтками, вырѣзанными изъ дерева, лошадки съ сѣдлами на спинѣ, передняя часть которыхъ была покрыта золотыми листиками. Копыта этихъ лошадей были также покрыты золотыми листиками. Это, можетъ быть, указываетъ на то, что древнѣйшіе народы желѣзнаго вѣка въ дѣйствительности украшали, такимъ образомъ, копыта своихъ лошадей. Что они украшали разнообразнымъ способомъ лошадиную сбрую, доказываютъ намъ не только шнурки съ нанизанными зубами кабана,

которые мы находимъ въ нѣкоторыхъ могилахъ на Бухтармѣ на шеѣ лошадиныхъ скелетовъ, но и деревянныя, покрытыя золотомъ украшенія изъ большой могилы на Берелѣ, которыя, очевидно, прикрѣплялись къ лошадинымъ гривамъ. Мнѣ не удалось опредѣлить, подковывали-ли они лошадей и въ древнѣйшее время, такъ какъ въ древнѣйшихъ могилахъ я нигдѣ не находилъ слѣдовъ подковъ. Но что позднѣе, народы желѣзнаго вѣка имѣли обыкновеніе подковывать лошадей, доказывается найденными въ одной могилѣ на Абаканѣ кусками подковы, состоящей изъ тонкой желѣзной пластинки съ отверстіями для гвоздей, похожей на подковы, нынѣ употребляемыя въ Китаѣ. Кромѣ того, встрѣчаются всякаго рода уздечки съ большими боковыми кольцами, въ позднѣйшихъ же могилахъ съ красивыми и разнообразными по формѣ боковыми штангами. Къ кольцамъ уздечекъ были прикрѣплены боковые ремни, а къ нимъ ремни поперечные. Эти ремни были частью прямо связаны съ кольцами уздечки, частью же посредствомъ металлической оправы. Всѣ ремни уздечки были обложены металлическими украшеніями, которыя въ древнѣйшія времена состояли у богатыхъ изъ нашитыхъ тонкихъ золотыхъ листиковъ или массивной серебряной оправы, прикрѣпленныхъ серебряными гвоздиками; у болѣе бѣдныхъ — изъ такой же, но мѣдной оправы. Въ позднѣйшій періодъ употреблялась также желѣзная оправа ремней, выложенная золотомъ или серебромъ, подобно тому, какъ дѣлаютъ богатые киргизы еще до сихъ поръ. На лобныхъ и носовыхъ ремняхъ лошадиной уздечки часто прикрѣплялись круглыя пластинки съ маленькими бубенчиками. Сѣдла народовъ желѣзнаго вѣка имѣли, очевидно, спереди широкій и высокій деревянный бортъ, какъ дѣлаются теперь китайскія сѣдла. У людей богатыхъ этотъ бортъ былъ украшенъ металлической оправой, которая, разумѣется, соотвѣтствовала оправѣ ремней. На задней части сѣдла, какъ доказываетъ найденная металлическая оправа, съ древнѣйшихъ временъ придѣлывались два ремня, которые кольцами соединялись съ подхвостникомъ; позднѣе вошли въ употребленіе нагрудники, (что доказываютъ намъ самымъ наглядымъ образомъ три металлическіе прибора, укрѣпленные въ большомъ кольцѣ), которые чаще встрѣчаются въ абаканскихъ могилахъ новѣйшаго періода. Подпруга, удерживающая сѣдло, была узкая, такая точно, какъ еще нынѣ употребляется у конныхъ народовъ Азіи; это доказываютъ намъ найденныя подлѣ скелетовъ лошадей пряжки для подпруги. Найденныя между лошадиными остовами въ большой могилѣ на Берелѣ украшенія изъ березовой коры, покрытыя золотыми листочками, мнѣ кажется, указываютъ на то, что на спину лошади клались

чепраки, украшенные золотыми листочками. Стремена имѣютъ въ большинствѣ случаевъ очень узкую дужку, но широкую подножку, которая въ позднѣйшій періодъ желѣзнаго вѣка часто была богато изукрашена.

Главное занятіе этого коннаго народа было, очевидно, скотоводство, которое дозволяло имъ вести кочующую жизнь. Кромѣ лошадей, они держали, какъ доказываютъ намъ рисунки на камнѣ на Іюсѣ и Енисеѣ, овецъ, козъ, рогатый скотъ и верблюдовъ. То же самое сообщаютъ намъ китайцы о Хакасахъ. „Ихъ лошади высоки и сильны; наилучшими считаются тѣ, которыя любятъ драться между собою. Они содержатъ также верблюдовъ и быковъ, и быковъ болѣе, нежели барановъ. Богатые люди обладаютъ многими тысячами скота“. О Тукіу сообщается только, что они приносятъ въ жертву барановъ и лошадей. Но затѣмъ объ образѣ жизни ихъ говорится: „Хотя никто изъ нихъ не имѣетъ постояннаго мѣстожительства, но каждый обладаетъ своимъ участкомъ земли“. Я уже упомянулъ, что эти участки земли опредѣлялись, вѣроятно, только для зимняго мѣстопребыванія. Пастбища каждаго отдѣльнаго аула были, какъ еще нынѣ у кочующихъ киргизовъ, повсюду раздѣлены посемейно. Народы, занимающіеся скотоводствомъ въ такихъ размѣрахъ, какъ разсказываютъ китайцы о Хакасахъ, могутъ вообще вести только кочующій образъ жизни, такъ какъ иначе ихъ стада скоро должны были бы страдать отъ недостатка травы. О жизни этихъ древнихъ кочевниковъ китайцы разсказываютъ (очень подробно, по поводу описанія нравовъ древнихъ Каотше-уйгуровъ) такъ: „Каотше кочуютъ съ мѣста на мѣсто, смотря по тому, гдѣ больше воды и травы“. При этихъ кочевыхъ переходахъ Каотше употребляютъ высокія двуколесныя телѣги, что, по показанію китайцевъ, было причиною даннаго имъ имени Каотши (высокія повозки). Что народы желѣзнаго вѣка также употребляли подобныя телѣги, доказываетъ намъ рисунокъ на камнѣ недалеко отъ Іюса, который представляетъ закрытую телѣгу съ двумя высокими колесами, запряженную верблюдомъ.

Кромѣ скотоводства, народы желѣзнаго вѣка занимались еще земледѣліемъ, какъ и до сихъ поръ дѣлаютъ всѣ тюркскіе кочующіе народы. Они обработывали подобнымъ же образомъ свои поля по близости зимней стоянки и оставляли на нихъ часть своихъ слугъ и кліентовъ, тогда какъ сами со своими стадами переходили кругомъ съ одного пастбища на другое. На мѣстѣ зимней стоянки Хакасы строили себѣ, по показанію китайцевъ, хижины изъ березовой коры (такъ-называемые алатшикъ-уй нынѣшнихъ тюрковъ), тогда какъ лѣтомъ они жили въ палаткахъ изъ войлока. Насколько у древнихъ Тюрковъ было распро-

странено обыкновеніе постоянной зимней стоянки, доказываетъ намъ, между прочимъ, также тотъ фактъ, что нынѣ живущіе осѣдло Узбеки долины Серафа повсюду называютъ свои деревни кишлакъ (т.-е. зимней стоянкой). Болѣе точныя свѣдѣнія о земледѣліи у древнихъ Тюрковъ даютъ намъ китайцы только относительно Хакасовъ, которые, по ихъ словамъ, сѣяли просо, ячмень, пшеницу и гималайское жито. Посѣвъ происходилъ у нихъ на третьемъ мѣсяцѣ, а жатва на девятомъ. Что земледѣліе у Хакасовъ не было распространено, видно изъ слѣдующаго показанія китайцевъ, которое, впрочемъ, нельзя принимать буквально: „они питаются говядиной и кобыльимъ молокомъ, только амо (полководецъ) ѣстъ кушанье изъ хлѣба“. Я понимаю это такъ, что только богатые люди (какъ и теперь еще у киргизовъ) могли заниматься хлѣбопашествомъ, такъ какъ они одни были въ состояніи оставлять лѣтомъ на обработанныхъ поляхъ юрты и рабочихъ и прокормить послѣднихъ.

О занятіи земледѣліемъ и употребленіи овощей народами желѣзнаго вѣка свидѣтельствуютъ найденные во многихъ мѣстахъ плуги и серпы, также какъ и круглые каменные жернова ручныхъ мельницъ и шероховатыя каменныя плиты для растиранія зеренъ. Употребленіе ручныхъ мельницъ у Хакасовъ подтверждается китайскими хрониками. Найденные въ Абаканской степи, на Уйманѣ и на Бухтармѣ остатки древнихъ каналовъ для искусственнаго орошенія степей могутъ, конечно, принадлежать и народамъ желѣзнаго вѣка; но мнѣ кажется неправдоподобнымъ, чтобы кочующіе народы часто предпринимали столь значительныя сооруженія для орошенія; вѣроятно, они при случаѣ пользовались постройками прежнихъ обитателей (бронзоваго вѣка).

По показанію китайцевъ, Хакасы занимались также рыболовствомъ. Что рыболовство практиковалось у народовъ желѣзнаго вѣка, доказываютъ намъ найденныя въ древнихъ могилахъ на южномъ Алтаѣ рыбьи кости, а также и желѣзный инструментъ съ крюкомъ, который я нашелъ на Абаканѣ и въ которомъ я склоненъ признать гарпунъ.

То, что китайцы сообщаютъ объ одеждѣ Хакасовъ, соотвѣтствуетъ вообще одѣянію народовъ желѣзнаго вѣка. Это доказываютъ платья, найденныя мною въ могилахъ древнѣйшаго періода желѣзнаго вѣка на Катандѣ и, благодаря льду, хорошо сохранившіяся.

Первое изъ этихъ платьевъ — круглый плащъ съ длинными, но такими узкими рукавами, что мнѣ кажется невозможнымъ, чтобы туда можно было просунуть руки. Плащъ былъ подбитъ собольимъ мѣхомъ, который на иныхъ мѣстахъ сохранился въ совершенной цѣлости. По-

крышка была изъ маленькихъ горностаевыхъ мѣховъ волосами наружу. Эти горностаевые мѣха окрашены были въ красную краску и нарѣзаны подковообразными и четыреугольными кусками, между которыми нашиты были полосы того же мѣха, выкрашенныя въ зеленый цвѣтъ. На узкихъ подковообразныхъ зеленыхъ мѣховыхъ полосахъ, которыя сходились одна съ другой верхушками, были нашиты въ разныхъ мѣстахъ до одиннадцати круглыхъ деревянныхъ пуговицъ, покрытыхъ золотыми листиками. Зубцы, вшитые между подковами, были прикрѣплены очень узкими кожаными ремнями, на которыхъ на каждомъ зубцѣ нашиты были 16 маленькихъ четыреугольныхъ золотыхъ листиковъ. Вокругъ шеи и на переднихъ сторонахъ плаща нашиты были на разстояніи 4—5 вершковъ 14 рядовъ четыреугольныхъ, плотно одна къ другой прилегающихъ деревянныхъ пуговицъ; онѣ точно также были покрыты золотыми листиками такимъ образомъ, что 4 пуговицы прикрывались однимъ золотымъ листомъ. Восемь рядовъ точно такихъ же пуговицъ окружали лишній край одежды. На плечахъ находились точно такія же полосы, состоящія изъ 5 рядовъ пуговицъ, на концахъ рукавовъ полосы изъ 8 рядовъ и на наружномъ швѣ рукава отъ плеча до низу—2 ряда подобныхъ пуговицъ. Точно такія же тонкія полосы изъ пуговицъ шли изъ подмышекъ и отъ средней части воротника на спинѣ до нижняго широкаго рубца.

Вторая часть одежды—замѣчательной формы, напоминающей нашъ фракъ. Она была точно также подбита собольимъ мѣхомъ, но покрышка была изъ темной шелковой матеріи (цвѣтъ ея могъ, впрочемъ, потемнѣть отъ долгаго лежанія). Передняя часть этой одежды представляетъ куртку, достигающую почти до таліи, безъ воротника и съ острымъ вырѣзомъ, доходящимъ до середины груди. Около бедеръ спина куртки удлиняется, и эта полоса, шириною около $1^1/_2$ фута, доходитъ до лодыжекъ. Верхняя одежда вокругъ шеи и весь край платья были обшиты кожаной полосой, шириною въ $1^1/_2$ вершка, которая съ обѣихъ сторонъ была обшита тонкими пилообразными золотыми зубчиками. На свободномъ мѣстѣ между этими золотыми зубцами были нашиты попарно на кожаную полосу маленькіе круглые золотые листики, отстоящіе другъ отъ друга на 1 дюймъ. Подобная же кожаная полоса шла отъ плеча черезъ грудь до наружнаго края ворота и точно также черезъ спину на высотѣ лопатокъ. Рукава были обшиты точно такими же кожаными полосами. Книзу отъ плечъ на наружномъ швѣ рукава и отъ лопатки на спинномъ швѣ шли нашитыя кожаныя полосы вдвое меньшей ширины, обшитыя только пилообразными золотыми полосками.

Третьей частью одежды былъ нагрудникъ, который точно также былъ подбитъ соболемъ и покрытъ шелковой матеріей; онъ имѣлъ форму трапеціи и былъ обшитъ просто кожаной полосой, бортъ которой былъ украшенъ тонкой золотой полоской. На углахъ узкаго верхняго края были прикрѣплены короткіе ремни или ленты, которые завязывались вокругъ шеи, тогда какъ на нижнихъ углахъ были прикрѣплены болѣе длинныя ленты, завязывавшіяся вокругъ таліи. Китайцы намъ разсказываютъ, правда, про Хакасовъ, что у нихъ только женщины носили шелковыя и шерстяныя одежды, но мнѣ кажется, однако, что всѣ здѣсь описанныя, найденныя въ одномъ мѣстѣ, части одежды принадлежали мужскому одѣянію, такъ какъ нагрудникъ, безъ сомнѣнія, могъ принадлежать только мужчинѣ. Что болѣе бѣдные люди носили овечьи шубы, какъ китайцы сообщаютъ намъ о Хакасахъ, доказывается остатками подобной шубы, найденными въ маленькой могилѣ на Катандѣ. Форму этой шубы, къ сожалѣнію, нельзя было разсмотрѣть, такъ какъ кожа совершенно истлѣла, и только маленькіе обрывки уцѣлѣли. Въ мѣху шубы сохранились отдѣльные куски штановъ. Они были сдѣланы изъ довольно грубой ткани ручной работы, по своему строенію схожей съ вытканнымъ изъ верблюжьей шерсти армякомъ киргизовъ. Хорошо сохранился нижній край одной штанины; онъ былъ такъ узокъ, что слѣдуетъ предположить, что эти штаны носились въ узкихъ сапогахъ. Съ одной стороны снизу штаны были вырѣзаны, и вырѣзъ, также какъ и весь нижній край, обшитъ былъ тонкимъ шнуромъ, концы котораго висѣли и служили, вѣроятно, для того, чтобы подвязывать нижній край панталонъ у лодыжки. Шнурокъ, которымъ панталоны были обшиты внизу и на поясѣ, какъ можно ясно различить на нѣкоторыхъ кускахъ, былъ сплетенъ, а не скрученъ. Въ другой могилѣ тамъ же былъ найденъ войлочный сапогъ или чулокъ, подошва котораго, сдѣланная изъ очень тонкаго войлока, была насквозь простегана. Верхняя часть голенища, которое было длиною, приблизительно, отъ $1^1/_2$ до 2 пядей, была загнута на 1 верш. ширины. Кромѣ этихъ платьевъ около двухъ женскихъ скелетовъ нашли на шеѣ остатки узкихъ (шириною около 1 верш.) стоячихъ воротниковъ изъ весьма тонкой матеріи, на которой нашиты были рядами маленькіе круглые и овальные мѣдные листики. Послѣдніе частію были такой же формы и величины, какъ нѣкоторые золотые листики, найденные въ большой могилѣ.

Я не нашелъ ни въ одной могилѣ желѣзнаго періода слѣда шапокъ или другихъ головныхъ уборовъ. Зато я встрѣтилъ въ одной могилѣ на Бухтармѣ вырѣзанную изъ золотого листа фигуру всадника,

у коего, повидимому, на головѣ была остроконечная шапка, которая по длинѣ почти равнялась половинѣ туловища; точно также и одинъ изъ всадниковъ, нарисованныхъ на камнѣ (на Іюсѣ), носилъ на головѣ остроконечную шапку. Въ свою очередь, китайцы приписываютъ такія же шапки Хакасамъ. Наконецъ, этимъ показаніямъ соотвѣтствуютъ и острыя шапки на головахъ трехъ всадниковъ на вышеупомянутомъ серебряномъ сосудѣ, знакомомъ намъ по рисунку Мессершмидта; только эти шапки гораздо короче, нежели шапки на рисункѣ на камнѣ. Къ этому я еще прибавлю, что нога вышеназваннаго всадника въ рисункѣ на камнѣ на Іюсѣ, сверху до низа покрыта косыми полосами; по моему мнѣнію, это—изображеніе мѣховыхъ сапогъ, которые дѣлались изъ шкуры козули и поэтому были полосатые. Такіе сапоги носятъ многіе алтайцы еще и теперь поверхъ длиннаго мѣхового чулка.

Предметы украшенія изъ золота, серебра, бронзы и мѣди, которые только въ небольшомъ количествѣ найдены въ изслѣдованныхъ мною могилахъ, какъ я уже упомянулъ, суть слѣдующіе: пуговицы, оправы поясовъ, аграфы, поясныя пряжки, металлическія пластинки, нашитыя на платья, кольца, серьги, маленькіе бубенчики и металлическія украшенія для волосъ. Я съ намѣреніемъ употреблялъ въ своемъ изложеніи выраженіе: народы желѣзнаго вѣка, потому что мое изслѣдованіе могилъ и видѣнныя мною древности еще недостаточны для того, чтобы спеціализировать эти народы. Повидимому, народы желѣзнаго вѣка, обитавшіе на югѣ, которые оставили по себѣ большія каменныя насыпныя могилы, были тюркскими народностями, также какъ и тѣ народы, которые соорудили позднѣе могилы на Енисеѣ, енисейскіе киргизы или потомки подчинившихся тюркскому вліянію Хакасовъ, такъ какъ послѣдніе отъ VI до XVII столѣтія обитали безпрерывно въ долинахъ и степяхъ на верхнемъ Енисеѣ и на Абаканѣ. Точно также могилы восточныхъ киргизскихъ степей къ сѣверу до средняго Иртыша кажутся мнѣ насыпными тюркскими племенами. Но что касается до могилъ желѣзнаго вѣка на сѣверномъ Алтаѣ, между Иртышемъ и Чолымомъ и въ рѣчныхъ бассейнахъ Тобола, Ишима, нижняго Иртыша и Тары, то остались-ли онѣ отъ тюркскихъ народовъ, или онѣ были сооружены угро-самоѣдскими племенами или енисейцами, этого я не могу ни въ какомъ случаѣ утверждать или оспаривать. Для рѣшенія этого вопроса требуются еще многія изслѣдованія и вскрытія могилъ, которыя должны быть предприняты, главнымъ образомъ, на нижнемъ Иртышѣ, въ бассейнѣ Тобола, въ сѣверной киргизской степи, въ об-

ласти средней Оби и на Томи. Точно также важны были бы изслѣдованія могилъ монгольскихъ степей и, наконецъ, изслѣдованія обширныхъ могильниковъ между Бухтармой, Норъ-Зайсаномъ и городомъ Сергіополемъ.

Между тѣмъ какъ тюрки Средней Азіи, благодаря сближенію съ южными культурными народами, достигли болѣе высокой степени государственнаго развитія, у сѣверныхъ ихъ братьевъ и у подчиненныхъ имъ племенъ угро-самоѣдовъ и енисейцевъ, отрѣзанныхъ отъ всякаго болѣе близкаго сношенія съ сосѣдями, прежняя степень культуры упадала все ниже и ниже; они распались на мелкія племена, которыя въ непрерывныхъ распряхъ и борьбѣ, сами себя уничтожали и, наконецъ, дошли до той степени ничтожности, на которой застали ихъ русскіе въ Сибири въ XVII столѣтіи. Съ упадкомъ политическаго значенія этихъ народовъ и степени ихъ культуры, уменьшались, конечно, и богатство, и рабочая сила, такъ, что вскорѣ они не были уже въ состояніи сооружать своимъ покойникамъ высокіе могильные памятники. Наконецъ, у нихъ совершенно исчезло обыкновеніе насыпать могильные холмы, и они заимствовали способъ погребенія отчасти у магометанъ, отчасти у монголовъ. Напротивъ того, кажется, что въ нѣкоторыхъ частяхъ Сибири обычай сооруженія кургановъ сохранился долѣе, нежели въ другихъ, по крайней мѣрѣ, я могу это утверждать относительно одной мѣстности, гдѣ этотъ обычай сохранился еще до XVII столѣтія. Я говорю о мѣстности на Чолымѣ, къ сѣверу отъ Маріинска, гдѣ я нашелъ въ большомъ количествѣ уже описанныя могилы новѣйшей эпохи.

Степень культурнаго развитія обитателей Чолыма въ XVI и XVII вѣкахъ была, приблизительно, та же, на которой находятся и теперь большинство обитателей южной Сибири. Судя по предметамъ, найденнымъ въ могилахъ, этотъ народъ умѣлъ выдѣлывать мелкія вещи изъ мѣди и желѣза, такъ какъ не подлежитъ сомнѣнію, что нѣкоторые ножи, желѣзныя стрѣлы и котлы, выкованные изъ листового желѣза, сдѣланы были на мѣстѣ. Но, повидимому, металлы, обрабатываемые ими, туземцы не сами добывали, а получали въ видѣ полосъ и листовъ черезъ посредство русскихъ купцовъ. Прочіе предметы изъ желѣза, мѣди и латуни, очевидно, привезены изъ Россіи. Къ нимъ я причисляю нѣкоторые ножи, топоры, ножницы и т. д., а также всѣ предметы украшенія, перстни и серьги изъ желтой мѣди, латунные аграфы, пряжки, металлическія и стеклянныя бусы и т. д.

Найденное въ изобиліи оружіе (костяные и желѣзные наконеч-

ники стрѣлъ) доказываетъ намъ, что эти народы занимались охотой, которая и до сихъ поръ еще составляетъ главное занятіе обитателей этой области. Что у нихъ, кромѣ того, были лошади, употреблявшіяся ими для верховой ѣзды, свидѣтельствуютъ найденныя въ могилахъ уздечки. Былъ-ли у нихъ и другой скотъ, нельзя рѣшить на основаніи изслѣдованія могилъ этой эпохи. Занимались-ли они земледѣліемъ и какимъ образомъ занимались—также нельзя сказать положительно; я нигдѣ не находилъ серповъ; хотя иные бо́льшіе желѣзные кельты, очевидно, мѣстнаго издѣлія, могли служить и заступами для разрыхленія земли.

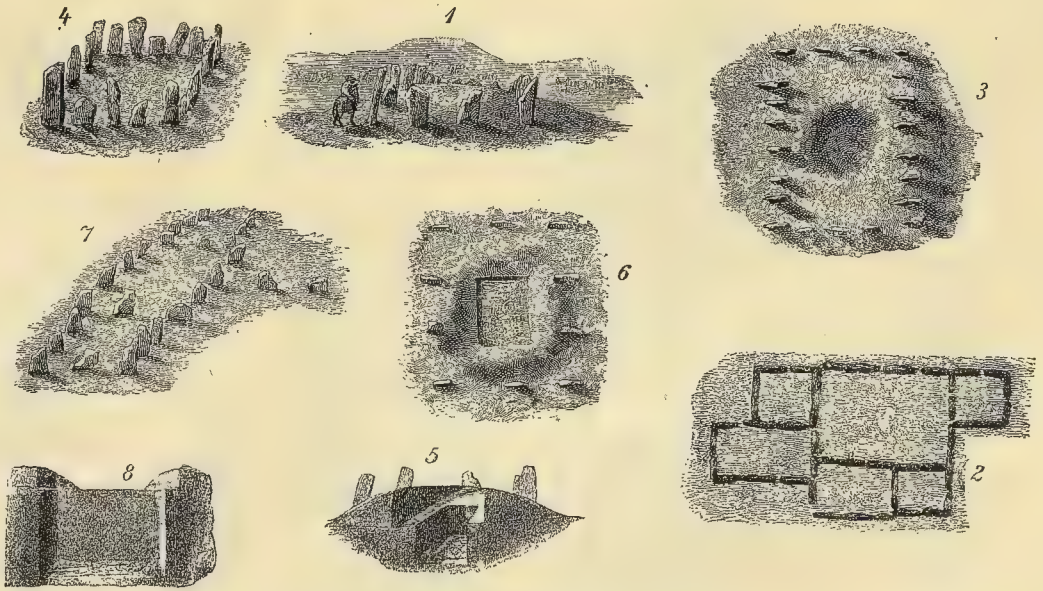
Въ такомъ случаѣ древніе обитатели Чолыма обработывали землю такимъ же способомъ, какъ татары Чернолѣсья. Маленькіе желѣзные кельты такой же формы, по всему вѣроятію, служили для выкапыванія корня кандыка и луковицъ породы лилій, которые составляютъ съ древнѣйшихъ временъ главный предметъ питанія самоѣдскихъ племенъ. Изъ желѣзныхъ инструментовъ я нашелъ; кромѣ того, еще рѣзецъ и нѣсколько кельтовъ меньшаго размѣра, служившихъ, очевидно, для выдѣлки деревянныхъ чашъ. Подобныя деревянныя чаши, снабженныя иногда ручкой, и служившія, очевидно, для питья, я находилъ въ нѣкоторыхъ могилахъ. Я находилъ также, хотя и весьма разрозненно, обломки глиняныхъ сосудовъ, но только въ могильныхъ насыпяхъ, такъ что они относятся, вѣроятно, къ позднѣйшему времени. Тотъ фактъ, что древніе обитатели Чолыма, вмѣсто прежней глиняной посуды, клали въ могилу котлы изъ листового желѣза или мѣди и деревянныя чаши для питья, служитъ доказательствомъ того, что этотъ народъ уже не умѣлъ выдѣлывать глиняной посуды. Относительно котловъ слѣдуетъ еще замѣтить, что мѣдные котлы сдѣланы цѣликомъ изъ одного куска, желѣзные же состоятъ изъ двухъ частей, боковъ и дна, причемъ эти части прикрѣплены одна къ другой посредствомъ толстыхъ заклепокъ. Въ одной только могилѣ я нашелъ желѣзный чешуйчатый панцырь. Онъ былъ подбитъ красной шерстяной матеріей, цѣлые куски которой хорошо сохранились. Эта шерстяная матерія была очень груба и схожа съ шерстяными тканями русскихъ крестьянъ, что даетъ возможность признать эту ткань продуктомъ мѣстнаго производства. Кусокъ полотна, который оказался въ женской могилѣ на Чердатѣ, безъ сомнѣнія, привезенъ русскими купцами.

Объ одѣяніи обитателей Чолыма, судя по найденнымъ при скелетахъ остаткамъ, можно съ увѣренностью сказать только слѣдующее: какъ женщины, такъ и мужчины носили шапки изъ оленьяго мѣха;

главною же частью ихъ одежды была шуба изъ мѣха звѣрей, убитыхъ на охотѣ. Сапоги ихъ дѣлались изъ мѣха или изъ кожи и доходили почти до колѣна; на подошвѣ и на пяткѣ были прикрѣплены куски березовой коры, которые по большей части представляли единственные остатки сапогъ, совершенно уничтоженныхъ временемъ. Женщины носили серьги и кольца на пальцахъ, на шеѣ же часто носилось желѣзное кольцо, на которомъ прикрѣплены были длинные шнурки съ бусами. Также и на косѣ прикрѣплялись стеклянныя бусы. Съ лѣвой стороны женщины носили, кромѣ того, аграфъ или крючекъ, на которомъ висѣло украшеніе изъ бусъ; на этомъ же крючкѣ висѣлъ карманъ съ принадлежностями шитья, наперсткомъ и ножницами. Мужчины носили поясъ съ металлической оправой или безъ нея, и съ лѣвой стороны ножъ, всунутый въ деревянныя ножны. На рукахъ мужчинъ встрѣчались также кольца изъ латуни съ поддѣльными камнями или безъ камней.

Такъ какъ устройство могилъ на Чолымѣ совершенно сходно съ устройствомъ могилъ древнихъ народовъ бронзоваго вѣка и, кромѣ того, именно въ мѣстахъ нахожденія этихъ могилъ названія рѣкъ указываютъ на то, что здѣсь жили впослѣдствіи енисейцы, то мы вправѣ признать эти могилы за могилы древнихъ Ариновъ, которые себя считаютъ непосредственными преемниками народовъ бронзоваго періода. Въ одной изъ прежнихъ моихъ статей о коренныхъ обитателяхъ Сибири, напечатанной въ „Живописной Россіи“, я держался того мнѣнія, что это были угро-самоѣды, оставившіе послѣ себя какъ могилы древняго бронзоваго періода, такъ и могилы на Чолымѣ, тогда какъ енисейцы жили прежде самоѣдовъ въ дикомъ состояніи въ горахъ Алтая, и не оставили никакихъ слѣдовъ культуры. По болѣе тщательномъ изученіи китайскихъ источниковъ я измѣнилъ это свое мнѣніе, и главнымъ образомъ на томъ основаніи, что китайскіе анналы уже въ VII столѣтіи говорятъ о самоѣдахъ, какъ объ обитателяхъ лѣсовъ, питающихся кореньями, и даютъ имъ то же самое имя, какое носятъ еще до сего дня ихъ потомки, живущіе въ Саянскихъ горахъ, а именно Дубо (Туба). Въ то же время китайцы разсказываютъ о сѣверныхъ сосѣдяхъ живущихъ на Енисеѣ киргизовъ, о Гелочи, и описываютъ ихъ, какъ родственныхъ бѣлокурымъ киргизамъ и какъ земледѣльческій культурный народъ. Но такъ какъ Гелочи на Алтаѣ явственно описываются, какъ бѣлокурый народъ, говорящій на другомъ языкѣ (какъ киргизы, говорящіе по-тюркски), и такъ какъ племена азіатскаго плоскогорія, называемые китайцами бѣлокурыми народами, повидимому, всѣ исчезли,

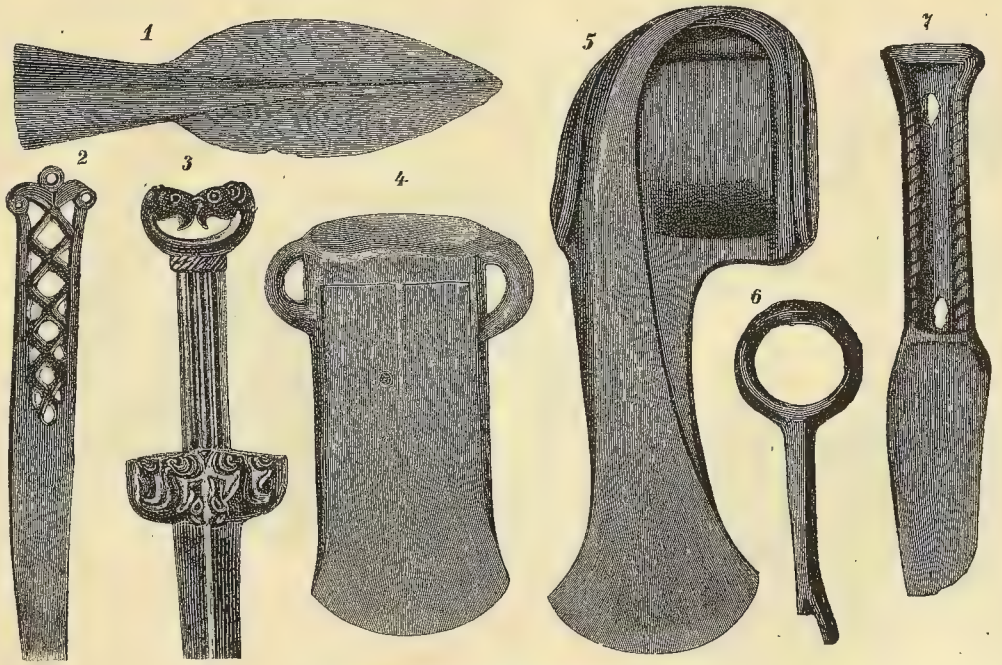
то гораздо правдоподобнѣе, что всѣ эти племена принадлежали къ племени енисейцевъ, которые и по языку совершенно отличались отъ черноволосыхъ урало-алтайцевъ. Другаго доказательства, кромѣ вышеприведеннаго, у меня нѣтъ, и мое предположеніе, что енисейцы суть потомки прежнихъ культурныхъ обитателей Сибири, есть только гипотеза, которая, можетъ быть, имѣетъ нѣкоторую правдоподобность. Еслибъ было доказано, что народы, которые уже на Алтаѣ достигли значительной степени развитія, въ позднѣйшее время двинулись на западъ и перешли за Уралъ, то эти племена могутъ точно также имѣть родство и съ бѣлокурыми финнами. Возможно даже, что нѣкоторыя индо-германскія отрасли, какъ полагаетъ Риттеръ, проникли до азіатскаго плоскогорья, и такимъ образомъ германцы или славяне и на сѣверномъ краѣ азіатскаго плоскогорія достигли извѣстной степени культуры, но впослѣдствіи были вполнѣ уничтожены надвинувшимися съ юга ордами. Но до тѣхъ поръ, пока въ пользу послѣдняго предположенія нельзя будетъ привести другихъ доказательствъ, кромѣ обозначенія „бѣлокурый“ и „голубоглазый“,—я буду считать свое предположеніе наиболѣе вѣроятнымъ. Къ сожалѣнію, едва-ли окажется когда-либо возможность разрѣшить вопросъ о происхожденіи древнѣйшихъ обитателей Сибири.



Каменныя могилы на Абаканѣ.

1. Могильникъ. — 2. Прямоугольныя плоскія могилы.—3. Большая прямоугольная могила.—4. Квадратная могила.—5 и 8. Разрѣзы.—6 и 7. Прямоугольныя могилы.

Къ стран. 2—4.



Древности бронзоваго вѣка.

1. Остріе копья.—2. Ножъ съ Абакана.—3. Кинжалъ.—4. Кельтъ.—5. Топоръ съ Алтая.—6 Удило.—7. Ножъ съ Алтая.

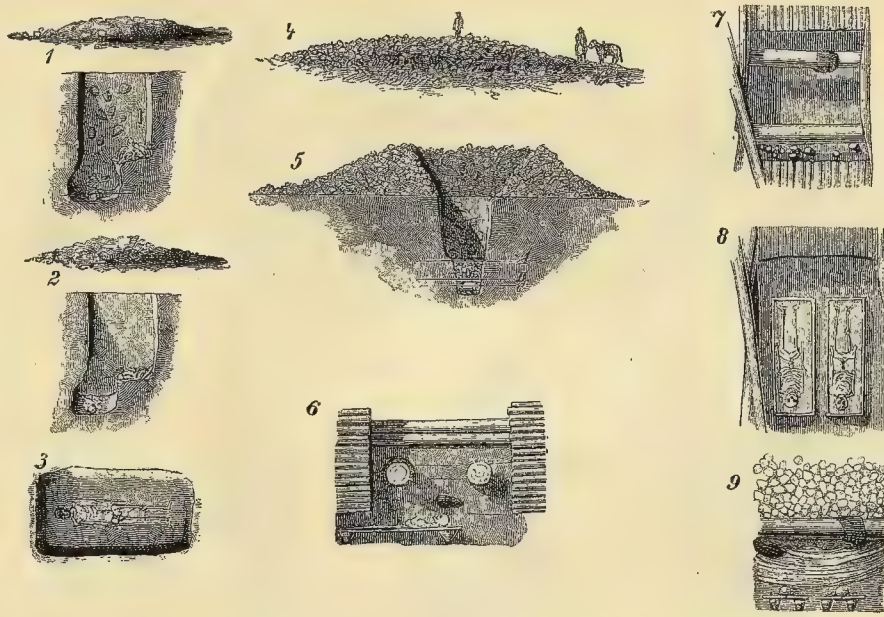
Къ стран. 17—19.

1. 2. Бронзовая статуэтка (спереди и сзади).—3. Бронзовая пластинка. —4. Мѣдный котелъ.

Къ стран. 20 и 30.

1 и 3. Рѣзное издѣліе древнѣйшаго желѣзнаго вѣка.—2. Украшеніе изъ серебра того же времени.—4 и 5. Украшенія изъ бронзы.

Къ стран. 21—28.



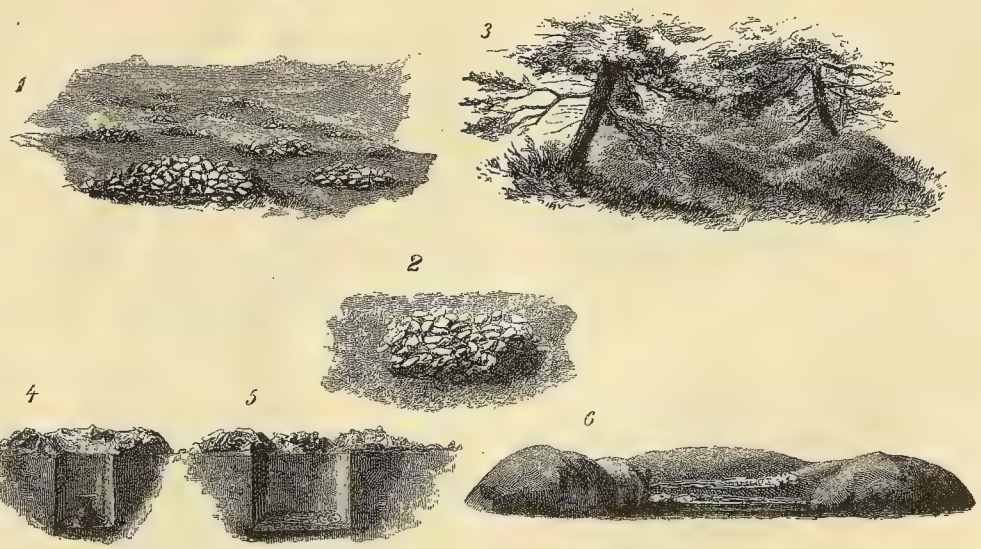
Древнѣйшій желѣзный вѣкъ. Могилы на Катандѣ.

1—3. Могилы въ первомъ могильникѣ:—4—9. Большой могильный склепъ во второмъ могильникѣ: 4. Наружный видъ.—5. Вертикальный разрѣзъ по направленію съ С. на Ю.—6. Вертикальный разрѣзъ нижней части могильной ямы по направленію съ В. на З.—7. Горизонтальный разрѣзъ В.—8. Горизонтальный разрѣзъ С.—9. Вертикальный разрѣзъ нижней части могильной ямы, по направленію съ С. на Ю.

Къ стран. 35—37.

Деревянныя рѣзныя издѣлія изъ большой могилы на Катаидѣ.

Къ стран. 39.

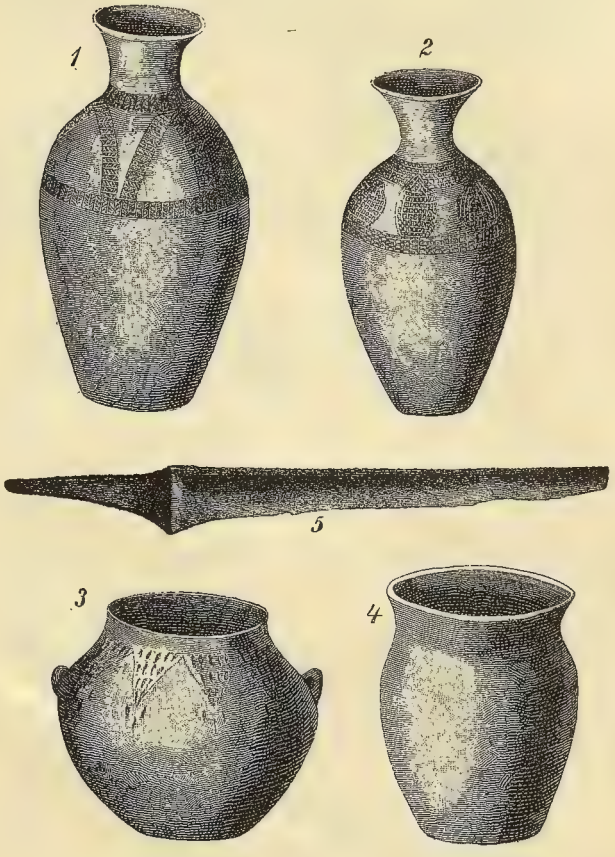


Новѣйшій желѣзный вѣкъ.

1, 2, 4 5. Киргизскія могилы на Абаканѣ: 1. Видъ могильника.—2. Могильный холмъ.—4. Разрѣзъ могильной ямы содержащей утварь покойника.— 5. Разрѣзъ могильной ямы съ остовомъ.

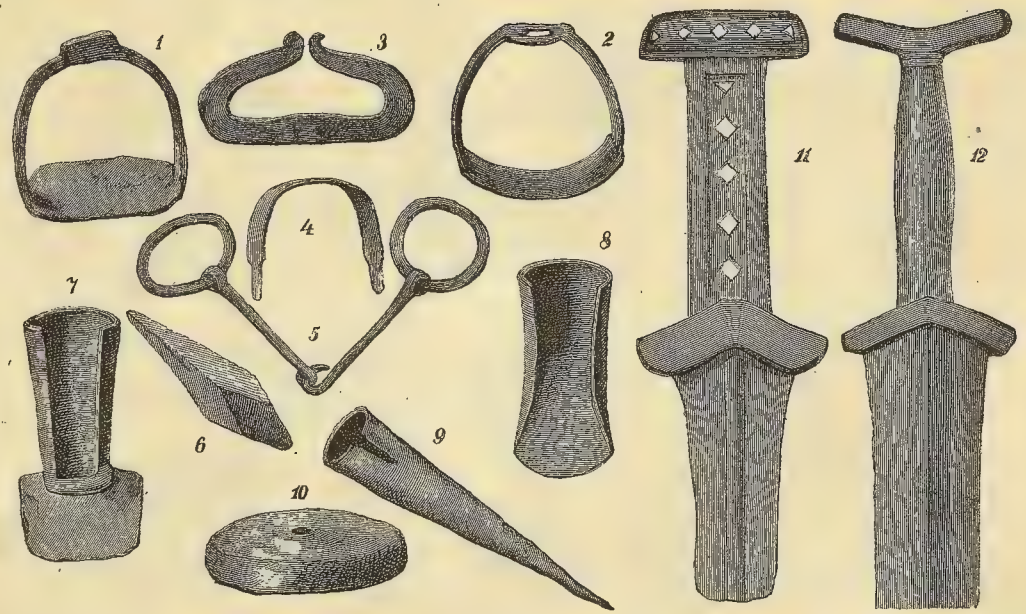
3 и 6. Могилы на Чолымѣ: 3. Могильникъ въ лѣсу.—6. Разрѣзъ вскрытой могилы.

Къ стран. 46.



1. 2. Погребальныя урны изъ мужскихъ киргизскихъ гробницъ на Абаканѣ.— 3. 4. Погребальныя урны изъ женскихъ киргизскихъ гробницъ на Абаканѣ.—5. Ножъ изъ Киргизской гробницы.

Къ стран. 47.

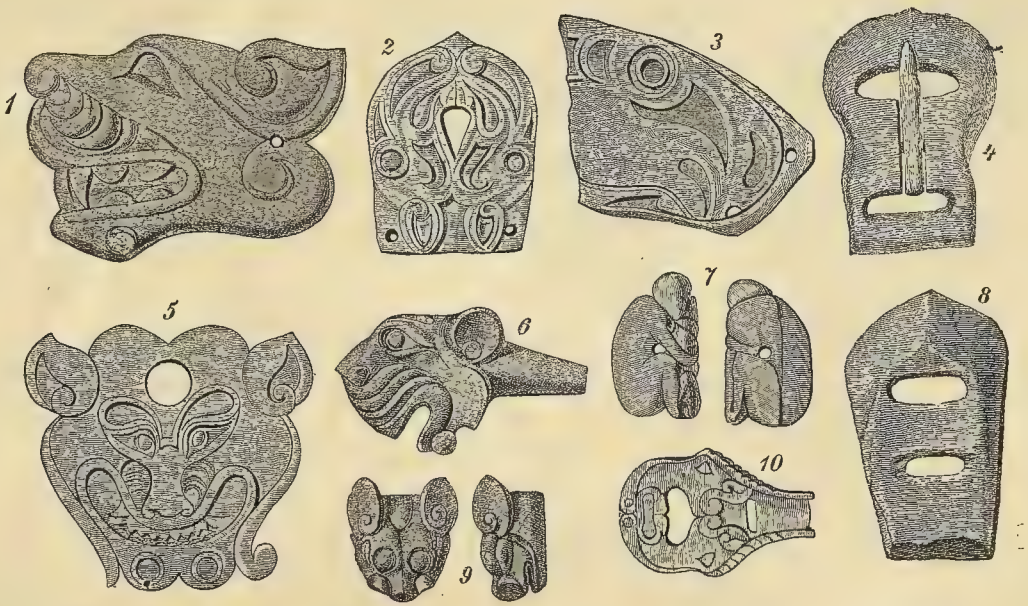


1. 2. Стремена.—3. Огниво.—4. Орудіе.—5. Удила.—6. Острія стрѣлъ изъ кости.—7. 8. Кельты.—9. Остріе копья.—10. Круглый камень изъ гробницъ на Катаидѣ.—11. 12. Желѣзные кинжалы съ Алтая. Переходныя формы отъ бронзоваго вѣка.

Къ стран. 52.

Мѣдныя украшенія ремней и одежды.

Къ стран. 55.



Рѣзные предметы изъ кости древнѣйшаго желѣзнаго вѣка на Алтаѣ.
(№ 1—изъ дерева).

Къ стран. 56.